

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

На гулкой палубе земной



ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

***На гулкой
палубе земной***

Стихотворения и поэма



МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

84P7
К 66

К $\frac{4702010200-222}{078(02)-85} 212-85$

© Издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

Мы



* * *

О чем среди болот
Над Приюганской Обью
Рокочет вертолет
И смотрит исподлобья?

О том, что мошкара
Опять — во все лопатки?
О годах у костра?
О женщине в палатке?

О том, что даль долга, —
Летишь — такое дело! —
Тайга, тайга, тайга
И нет краям предела?

А может быть, о том,
Что вот в краю простудном
Ты можешь под винтом
Прослыть забывшим, блудным.

И кочевать во мгле
По топям и трясинам,
Но быть родной земле
Ее надежным сыном?

Лететь! К исходу дня
У самой глухомани
Вдруг пятнышко огня
Приметить на поляне —
С улыбкой помахать

Затерянной разведке.
И у костра вдыхать
Жарок смолистой ветки.

Молчать, ладони греть
Дымящеюся кружкой
И в небеса смотреть
Сквозь звезды над опушкой,

На мох полуприлечь
У кочки, у следа ли —
И ночь, и эту речь,
И мысли звездных далей
Вновь принимать как честь,
Любой кровинкой зная,
Что это все и есть
Твоя земля родная...

МЫ

У большой магистрали вначале
Посредине сибирской зимы
К нам в окошко в вагон постучали:
— Разрешите войти? Это — мы.

«Кто?» — «Да мы!» — С развеселою шуткой
Влезли трое — с Сибирью самой,
И дохнуло от их полушубков
Светом, снегом, морозом, зимой!

Работающий парок из-за пазух,
Серебристые брови-кусты
И ушанки в морозных алмазах
Молодой голубой чистоты.

Огоньком припаленные лица —
Добрый след кострового житья.

И пошло — про родную столицу,
Что да как там родные края?

Полчаса говорливого гуда —
Всё в вопросах таежной братвы...

— Ну а вы-то, ребята, откуда?
Вы-то сами, кто будете вы?

Но успевшие спрыгнуть — не выйти —
Помахали почти что с кормы:
— Вы на наши мосты посмотрите.
Это строили мы, это мы!

А дорога все выше взбегала,
Чуть хмелела с такой высоты.
И уже засинели провалы,
А над ними возникли
Мосты.

И вагон на ветру закачало,
И под бег снеговой кутерьмы
Под колесами вдруг зазвучало:
— Это мы, это мы, это мы...

По распадкам притихли болота,
А над ними в жару бахромы
Встал металл, загудели пролеты:
— Это мы, это мы, это мы!

Лишь внизу, передышки не зная,
Пробиваясь в иные края,
Стрекотала речонка шальная:
— Это — я,
Это — я,
Это — я!

Но могуче столбы и опоры,
По-сибирски обуты в пимы,
И в обнимку стоявшие горы
Пели в лад: «Это мы, это мы!»

Нас поющая сталь возносила,
Так что чувствовал каждый из нас,
Как роднящая звонкая сила
Обнимает любого сейчас:

Мы — читалось в любом перегоне,
Мы — светилось на каждом окне,
Мы, летящие в этом вагоне,
Мы, живущие в нашей стране!

Степняки, горняки да поморы —
Все как есть — до крутой Колымы
Снеговые лесные просторы —
Это — мы, это — мы, это — мы!

Байконуры, Нуреки, Кунермы —
Сыновья Бугульмы, Костромы,
Все, кто строил платформы и фермы, —
Это мы, это мы, это — мы!

Все, что будет подарено одам —
Наши взлеты, победы, умы,
Все, что создано нашим народом, —
Это мы, это мы, это мы!

Паровозик бежал по спирали,
Лез по снежному гребню небес,
И в закате уже догорали
И снега, и речонка, и лес.

А на донышке, в мерзлом болоте,
Из почти что космической тьмы

Вдруг взмахнул костерок:
— Узнаете?
Это мы у костра! Это — мы...

И из самого дальнего дола
Улыбнулось, себя не тая,
Молодое лицо комсомола,
Молодящее эти края.

НА РЕКЕ

На сибирской на раскатистой реке,
Пошевеливая ребрами помалу,
При негромком деревянном городке
Немудреный груз баржонка принимала.

А напротив, у впадения малых рек, —
Лишь топорик на свету летал да лётал —
Упоительно работал человек,
Было видно: в удовольствие работал!

То ль амбарец возводил на берегу,
То ли баньку обстоятельную ладил
И светился, золотился, как в снегу,
Словно солнышко в напарники привадил.

Веселилось работающее тепло,
И от каждого веселого движенья
Все светилося, поднималось, все росло,
Созревало на глазах сооруженье.

Вот рука чуток, казалось, помудрит,
Вот бревенышками кровлю подпояшет,
Вот притюкнет — и пристрой заговорит,
Вот приступнет — и подхватится, запляшет.

А рядом шатался кореш-голова
И, покачиваясь, как в землетрясенье,
Бормотал себе о чем-то — трын-трава! —
Отмечая приближенье воскресенья.

И сердился, и входил тихонько в раж,
Распалаясь: «Ты чего воображаешь?
Брось ты это! Человечество уважь!
Или ты его совсем не уважаешь?»

А дружок себе топориком играл,
Со смешинкою упреки остужая,
Продолжая упоительный аврал:
— Как же, видишь, я работой уважаю!

Мол, негоже по-пустому тратить век:
Век торопится и время дорожает!
Уважающий работу человек
Человечество работой уважает!

А сосед бочком ходил перед людьми:
— Что ты Ваньку-то неумного ломаешь?
Ты порадуй человека, ты пойми!
Или вовсе ничего не понимаешь?

Друг плеснул огнем веселым из-под век,
Возражая, дескать, — строит, не ломает:
Понимающий работу человек
Человечество работой понимает.

И по соснам, прямизною налитым,
По медовым, высотой осененным,
Разлеталось эхо звоном золотым
И аукалось вдали веселым звоном.

И внимало все окрестное родство —
Плес, да чайки, да небесное движенье,

Работящему топорику его,
Человечьему училось уваженью.

Над верхушками соснового борка,
Над горами перекатывались громы,
Громоздились кучевые облака --
Возводили серебристые хоромы.

Торопилась работающая река
К электричеству, к плотинам, к урожаю
И кивала широко издалека:
— Уважаю, уважаю, уважаю!

И, по курсу направление держа,
То левее, то правее принимая,
На волне кивала грузами баржа:
— Понимаю, понимаю, понимаю...

И штурвал ходил в натруженной руке,
Снова в доброе и верилось, и пелось,
И под звонкие удары вдалеке
Так уважить человечество хотелось!

НА ГУЛКОЙ ПАЛУБЕ ЗЕМНОЙ

На самом краешке державы,
За дальним Сковородино,
Шел поездок. Вперед бежало
Стальной дороги полотно.

То с поворотами, то прямо,
То под скалою навесной...
И горевал строитель с БАМа,
Качаясь рядышком со мной.

С разлуки, с самого вокзала
Терзался тихо, не виня:

«Ну для чего она сказала,
Что обойдется без меня?»

Он океанил, он матросил,
Штурвалил, драил и стропил —
А для нее и море бросил,
На землю зыбкую вступил!

Какой недобрый ветер дунул,
Что так с размаху — судьбы врозь?
Он ведь о ней одной и думал,
Чтоб только ей легко жилось!

Я знал лицо ее пустое —
Простая мелочная медь.
Она и в грош того не стоит,
Чтоб убиваться и жалеть!

Не та душа — не лучший выдел,
Самокопительство — удел.
Но он-то этого не видел,
Он слышать даже не хотел!

И мне выкладывал сначала,
Без хмеля горького хмельной,
Все, чем беда его качала
На горькой палубе земной.

И мне, и лесу, и болотцу,
И птицам, уходившим ввысь...
Но вдруг решал:
— Не обойдется.
Ей все равно не обойтись.

И вновь выкладывал соседям
Под перестуки колес:

— Вот ведь сейчас по рельсам едет,
А рельсы все-таки мои...

Вот полетит искать кого-то
В другие теплые края,
А ей ведь полосу для взлета, —
Он усмехнулся, — строил я...

И, оторвав от полки шаткой
Кулак, бедою налитой,
Вдруг выгнул легкой взлетплощадкой
Почти бетонную ладонь:

«Лети, живи, не замечая,
Что ты в пути всегда со мной,
Что это я тебя качаю
На нежной палубе земной.

Что если ты в беде не тонешь,
Верна шальному мятежу,
Так это я тебя в ладони
На крепкой палубе держу.

Я, пожелаешь, имя скрою,
Посторонюсь, любовь тая,
Но столько див вокруг построю,
Что всюду рядом буду я».

Печаль болела, не корила,
Печаль влюбленную была,
Она любила и дарила
Его грядущие дела.

Смотрел он чисто и высоко
И сам не ведая того,
Что даже солнышко с востока
Сейчас восходит от него...

Шел поездок, набравши силу,
Качал вагонный островок,
А на окне тревогу била
Газета, полная тревог.

Про громы БАМа и КАТЭКа,
Про шутки с ядерным огнем —
И собирались бури века
За пролетающим окном —

Как будто мчались успокоить
Того, кто вместе со страной
Спешил — сквозь боль — любить и строить
На гулкой палубе земной.

ПОРТРЕТ

Бригада готова, нацелен спецкор,
Закончены сборы и споры.
«Момент!» — За горами встают из-за гор
Прекрасные синие горы.

На рельсах морозных всеобщий восторг —
Враспашку, как в жаркое лето.
И машет ладошкой девчонка-комсорг,
Душа группового портрета.

Смеются, не знают, не верят, не ждут,
Когда из неведомой дали
Однажды седыми приедут, сойдут,
Присядут на солнечной шпале.

Неведомый город увидят вдаль,
Припомнят далекие были —
Что эту дорогу они провели —
Ведь это они проложили!

Вздохнут и посмотрят в далекий простор,
Где — годы, и створы, и споры,
И где за горами встают из-за гор
Прекрасные синие горы...

ЦЕПЬ

В годину невзгоды особой,
В глухую минуту мою
Случилось мне топать чащобой
В недобром болотном краю.

Под всхлипы и стон непогоды
Все, думалось, прах и тщета:
«Вот выпал из общей колоды,
Остался один — и черта...»

Болото в тумане знобило —
Все стыло в болотном дыму.
И сердцу усталому было
Тревожно стучать одному.

Шапчонки разрозненных кочек
Качались в воде на весу,
И сосны толпой одиночек
В больном задыхались лесу.

Среди мрачноватых пустыnek,
Найдя одинокий пенек,
Случалось, мерцал подосинник —
Подгнивший скупой огонек.

Дорога тоску источала
И в тусклом пути, не к добру,

Все птица ночная кричала
В погибшем забытом бору.

И вдруг — отголосок металла
А с ним из-за леса — огни!
И кто-то окликнул устало:
— Браток, дорогой, подмогни!

Какой-то шофер-бедолага
Забрался в глухой закуток,
Пыхтит, а машина — ни шагу!
И снова: «Поможешь, браток?!»

Толкнули — засел, да не шибко!
Омыли в болотце кирзу.
И тут расступилась улыбка:
— Садись-ка, и я подвезу!

Ну что ж. Покатили помалу,
И хоть далеко до полей —
Не то чтобы радостней стало,
Но все-таки стало светлей.

Душа подпевала мотору —
Не светишь — так хоть помигаЙ!
И вновь — на дороге шоферы:
А ну, молодежь, помогаЙ!

И снова в натужном оскале
Включались в рабочий черед —
Держали, тянули, толкали,
Друг друга пускали вперед.

Прорвались! — И сразу, с подножки,
Открылась равнина: вдали
Студенты тянулись с картошки,
Солдаты с учения шли.

А там, в загоревшемся рано
Сиянии звездной реки,
Из бухты в покой океана
Цепочкой пошли огоньки.

И даль широко говорила
О жизни в прекрасном краю,
И длилась, и вольно дарила
Душе бесконечность свою.

И все начиналось сначала,
Вязалось в единую крепь,
И сердце спокойно стучало,
Включенное в общую цепь.

* * *

Какую нам Родину дали,
С каким разворотом морей!
С каким, прорывающим дали,
Плывущим под плеск якорей
Светилом, багрилом, ярилом,
Играющим в сто голосов!
С лихим пароходцем — к Курилам,
С размахом российских лесов!

С сегодняшним — словно бы вечным —
Дождем, проливным, навесным,
И с запахом, запахом! — млечным,
Грибным, земляничным, лесным!

А стройки, а лет магистрали,
Звнящей в такие дела!

Да только — не дали, не дали! —
А Родина нас
Родила.

О Родина! Песенность взгляда,
Просторы под взмахом крыла...
А что нам от Родины надо,
Какая за верность награда? —
Одна. Чтобы вечно жила.

* * *

Ветер, грохот, колея,
Бег колеса убыстряют...
Песни. Дальние края.
Юность, молодость без края.

Через гулкие мосты —
К холодинам, к нелюдимым!
Ах зачем же мчишься ты,
Сердце?
— Быть необходимым!

Жестче трудные мечты,
Загорчило поздним дымом...
Так чего же хочешь ты,
Ну чего же хочешь ты,
Сердце?
— Быть необходимым!

ЛЕГЕНДА

*Памяти отца —
Тита Михайловича Коржикова*

На медленном коне
Сквозь век — почти в конце —
Доехала ко мне
Легенда об отце.

О ночи ледяной,
Когда в морозный шквал
На станции одной
Отец грузил
Крахмал.

До изморози густ
И хрупок, как асбест,
Стоял морозный хруст
На сотни верст окрест.

И где сапог хромал,
И где прошла нога —
Хрустели, как крахмал,
Январские снега.

И в этом злом снегу
Костиста, но жива,
Вставала встречу врагу
Голодная Москва.

Доедена треска,
Картошка — до глазка!
С оружием рука,
А хлеба — ни куска.

А тут-то — как ни мал —
Завод, а в нем запас —

Картофельный крахмал.
Пушай Москве — на час.

Но, может, не успеи
Отправить этот клад —
И сил не хватит ей
Отправить в ствол снаряд!

А подоспеет тыл
И, ясный разговор,
Вдруг сразу станет сил
Руке дослать затвор!

Весь воздух искромсал
Ладонью на пути
Парнишка-комиссар
Недавних двадцати.

— Бросайте лежаки, —
Кричал, — кому кричу?! —
И встали мужики:
— Поможем Ильичу!

А ну, слетай, снежок,
С горячего плеча,
Ложись в вагон, мешок,
Солдатам Ильича!

Скрипи, скрипи спорей,
Работай веселей —
Голодной детворе
Для добрых киселей!

Вдруг чей-то возглас: «Влип!»
И чей-то выдох: «Ох!»
По всей долине — скрип
Деникинских сапог.

В нена́висти кипят
Нахальные зрачки,
Крахмальные скрипят
Окрест воротнички.

Играет злобный хмель:
— Так, говоришь, кисель?
Мы вам горла зальем
Горячим киселем!

Достанет киселя
Вам всем навеселе,
Как дрогнет вся земля
В кровавом киселе!

Откомиссарил, Тит,
Ужо хлебнешь свое —
Ох, как в петле хрустит
Крахмальное белье!

А он бежит, живой,
По сходням под огнем,
Рубаха — вся — впервой
Крахмальная на нем!

А он встает в снегу —
Пусть завтра — получу!
А нынче помогу
Отбиться Ильичу!

А ну быстрее, дружки!
Бегом, бегом, бегом!
Мешки, мешки, мешки —
В вагон, в вагон, в вагон!

И двери — на запор,
И поезд — на пути!

Давай во весь опор
Кати, кати, кати!

Встал комиссар: «Бывай!» —
Смахнул крахмальный пот.
Сказал: «Теперь — давай!» —
И лег за пулемет.

Ударил вдоль цепей
В проемы портупей —
И ряд снега подмял —
Ох, как хрустит крахмал!

* * *

Как в некой Мангазее,
Не ясной до конца,
Я в стареньком музее
Найду портрет отца.

Вгляжусь — предстанут внове,
Как через сто земель,
Распахнутые брови,
Солдатская шинель.

Рука, которой брали
Тиранов и владык,
Рука, которой брали
Краснова за кадык!

Еще лютуют гады —
«На крест до одного!».
Еще сулят награды
За голову его,

Но столько светлых сдвигов
Замыслил светлый лоб:

Со Щорсом — на Чернигов,
А там на Перекоп!

Галопом и аллюром
По огненным местам —
Даешь по всем петлюрам!
А там, а там, а там...

О как они прекрасны
В горячей правоте,
Прекрасны, не подвластны
Ни лжи, ни клевете!

Прекрасны эти взгляды,
Прекрасны эти лбы,
В которых светит: «Надо!»,
В которых: «Не рабы!»

Под стать какому слогу,
Каким напевам в лад,
Какую даль-дорогу
Провидит этот взгляд?

Он твердо верит: «Выйдет!» —
Хоть все еще в огне.
Хоть многое провидит,
А может быть, предвидит
В музейной тишине...

КРАСНЫЙ СЛЕД

В спину — дуло,
Штык — к лицу,
Черный глаз,
Надзор негласный —
Все кричало вслед отцу:

Все прошло.
Но с детских лет —
Самый чистый,
Самый гласный —
Все не меркнет этот след —
Красный-красный,
Красный-красный...



Образная речь



ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Детское чтение, детское чтение!
Не поучение! Жар и свечение!
Блики печурки — как вспышки из хроники,
Словно по стенам летящие конники!
Не назидание — гул мироздания!
Гнев Спартака или Тиля страдания!
Боль и отмщение — и ополчение!
Детское чтение, детское чтение!
Этого времени бытом не выело.
Что ж нас в дорогу, подумаю, вывело?
Что добавляло горячей отваги нам? —
Пламя Джордано и стремя Корчагина,
Огненность бурки
Свободного гения,
Пламя печурки
И детское чтение...

В СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ ЧИТАЮТ

Вечерний снег летит, и тает,
И потихоньку белит тьму...
В семье Ульяновых читают.
«Муму». Вы помните «Муму»?

Как все при лампе близко-близко...
Немой страдалец, одинок...
Вот шей берет в трактире миску,
Вот ставит горестно у ног.
Слезу отер, махнул рукою,

И вот уже сейчас, сейчас...
Припомню — не найду покоя!
(Ведь вы же знаете рассказ?!)

«Муму» Ульяновы читают —
Я это вижу с детских лет:
Напротив — скуку коротают,
А их душе покоя нет!

И старший брат горит, прекрасен,
Уже готовый ко всему:
— Что ж стонет он, народ-Герасим,
Свое бездонное «му-му»?!

Зачем своими же руками
Свою же душу?! Отчего?!
Уж если брать зачем-то камень --
Не для того, не для того!

А тот тяжелыми шагами —
Какие горькие шаги! —
Идет. Сейчас вода — кругами!
Как далеко пойдут круги!

Кругами боль во всем народе,
Кругами ширятся зрачки.

И в горе маленький Володя
Впервой сжимает кулачки.

ЭЗОП

Не ропщет от пищи убогой,
Сиянье от мудрого лба...
Зачем же все больше с тревогой
Хозяин глядит на раба?

И слог у Эзопа прекрасен,
И замысел, право, силен...
Зачем же эзоповских басен
Все больше смущается он? —

Пронзительна мудрость холода
И взгляд тяжелей, чем рука,
И слышится в баснях Эзопа
Грядущая речь Спартака.

БРУНО

Багряная сутана.
Чадящие слова:
— Одумайся, Джордано!
Уже везут дрова!

Вселенность! Ну не бред ли?!
И что тебе до звезд?
Спеши! Чего ты медлишь?!
Уже готов помост!

Ведь ничего не стоит —
Всего одна строка!
А истину откроют:
Без нас. Через века.

Зато — и монна Анна,
И солнце, и простор...
Так что же ты, Джордано?
Куда ты?
— На костер.

ПЛОЩАДЬ ДЖОРДАНО

На площади, в пыли и прахе
Пророс цветок из бывшей плахи.

Пророс себе на чьем-то плаче,
На чьей-то звездной неудаче,
На чьем-то мнимом прегрешенье,
На взлете, значившем крушение.

Досужий люд припоминает
Все эти давние детали:
— Гляди, стоит... Поди, не знает,
Какие головы слетали!

Народ, теснясь, глядит на чудо:
— Какого семени? Откуда? —
А он дивится на планету
И тихо радуется свету.

А он стоит под эти ахи
На чьих-то смелости и страхе
И нежно внемлет вольной птахе —
Дитя земли, цветок на плахе.

ОБЛОМОВ

Земля сидит у старого корыта,
Еще Европа даже
Не открыта.
Густой бурьян
Опутал горизонты,
По космодромам
Бродят мастодонты,
Ни парусов, ни гафеля, ни румба. —

Обломов редактирует Колумба.

ЛЕРМОНТОВ

Не умирал, не сник, не спал. —
Он время слышал каждым нервом.
Он в сорок первом том упал,
Чтоб грянуть в нашем сорок первом!

И не в страдальческом венце —
В живом бунтующем таланте,
В любом отчаянном бойце,
В непобедимом лейтенанте, —
Которым с детства и дотла
В боях родного переулка
Любимым парусом была —
На всех! — чапаевская бурка.
Вот в ком взошел свободный лоб
С его бессмертными очами,
Чтоб вдруг рвануться на окоп:
«Ребята! Не Москва ль за нами?»
Вперед, стихи! Вперед, чтецы!
Вперед, солдаты и корнеты —
Бой!

И поэты шли в бойцы,
И лейтенанты шли в поэты!

РЫВОК

Вы помните? Ночь золотится,
И, тело вперед наклоня,
Как жаркая гончая птица
Метелица гонит коня.

О как обостряется зренье
В атаках, где битва кипит,
Где ставишь

Свои ударенья
И саблей, и звоном копыт.

Где сердце, не сданное белым,
Торопится братьям помочь —
Пусть пахнет судьбой и расстрелом
Таежная черная ночь!

Но стольким за светлое драться,
За светлый счастливый конец,
Но стольким еще загораться
От этих искрящих сердец.

И стольким бросаться на взлеты,
А если придется — на доты,
Во все штурмовые дела
Нести молодые тела,

Что сквозь неизбежность расстрела,
Ни каплей души не склоня,
В бросок, на рисковое дело,
За самое правое дело
Метелица гонит коня!

ГЛАГОЛ

Глагольной рифмы не изъять,
Не измолоть крутым помолом:
Ведь даже слово «умирать»
Повсюду значилось глаголом.

Ее не смогут низложить
Ни ныне, ни потом, ни позже,
Поскольку яростное —
Жить! —
Глаголом выражено тоже.

Глагола полн обвал в горах,
Глаголет степь легко и вольно,
Глаголет гром, глаголет прах,
И только падаль безглагольна.

ПОЭТ

Среди пустяковых железок,
Неловких душе и уму,
Железный каленый отрезок
Дороги достался ему.

Кружил, обороны ломая,
Горбатый сжимал черенок —
А вышла такая прямая,
Что выковать можно клинок.

Так жизнь человека учила
Оттачивать жало штыка.
И годы, как искры с точила,
Летели с ее наждака.

Я верю и верую в это —
В такую судьбу на ветру.
И искры горячего света
В дорогу с собою беру...

* * *

В дни, когда под космос синий
Взвился гул аэролиний,
И уже проставил метки
Лазер в дебрях биоклетки,

И фигуры над пустыней
Чертит вольный алюминий,
Что ж таится в эти лета
В биоклетке у поэта?

Груз металла и бетона?
Трек для циклофазотрона?
Смесь турбины и мотора
Или счетная контора?

Или, может, в ней упрямо
С незапамятных пилотов
Зашифрована программа
Всех космических полетов?

Пили, спорили, мудрили,
Просверлили, отворили!
Что же в этой
Биоклетке? —
Птица певчая на ветке.

* * *

Перебедуй, переживи
Все до кровинки снова, снова,
В ладонях боли и любви
На честь проверь и суть и слово,

Чтоб не сказали над строкой,
Что создавала эту повесть
Не очень тщательной рукой
Не слишком тщательная совесть.

С. Орлову

Шершавые пальцы темней наждака,
Тяжелые вены натруженной вязки...

— Зачем у поэта такая рука?

— А это от вахты, от кисти и краски.

Граненые скулы горят от рубцов:

Рубцы по надбровьям, ожоги — на темном.

— Зачем у поэта такое лицо?

— А это от боя, от шторма, от дошны.

Крутые бугры напряженного лба

Над бегом штурвала, над трудной строкою.

— Зачем же

поэту

такая судьба?

— Такое призвание. Время такое.

ОБРАЗНАЯ РЕЧЬ

Что значит

«Образная речь»? —

Сказать: «Умрем!» —

И первым лечь!

Сказать: «Идем!» —

И первым встать,

И отбивать —

За пядью пядь,

Чтоб за тобой

В жестокий бой,

Пусть в смертный бой —

Но за тобой.

И пасть,
Но Родину спасти —
И этим
Все произнести!

ОПОЛЧЕНИЕ

*Памяти В. Афанасьева,
А. Артемова, Г. Корешова*

Ни славы,
 ни выгод.
Мороз. Песок.
Поэты,
 на выход —
И в марш-бросок!

Без вздохов,
 без грусти
За весь народ,
Поэты,
 на бруствер
И марш
 вперед!

А если
 ошпарит
Стальной кусок,
А если
 ударит
Тебя в висок

И если
 в воронке,
Из-подо льда,

Сквозь рваные
Рванет вода, бронхи

А если...

А если! —

Тогда сосед

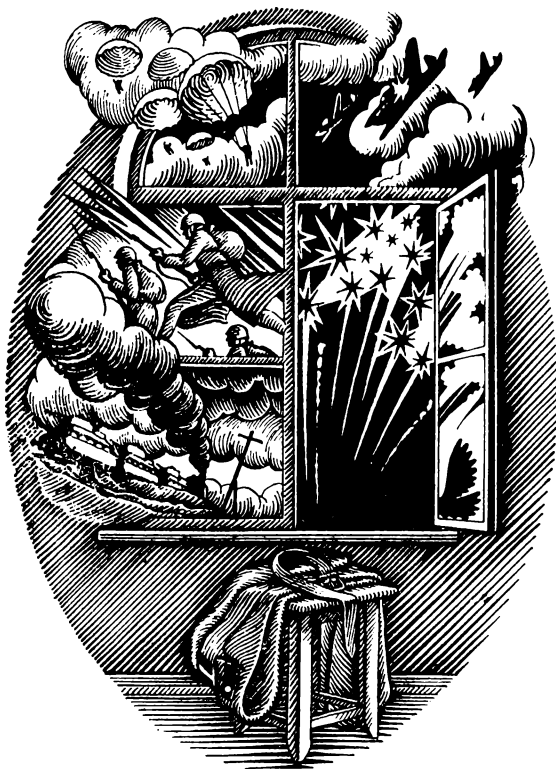
Расскажет,

как в песню

Ушел поэт.



Волна



* * *

Они мечтали выйти в паре
В интербригадовской колонне,
А воевать в Гвадалахаре,
А побеждать — так в Барселоне.

Дружить с девчонкой андалузской
И отличиться под Уэской,
А лег над ними холмик русский
С одной звездой и общей каской.

Уже давно размыты лица,
Ни славы, ни лихого вида.
Но к ним приходят поклониться
Из Барселоны и Мадрида.

Не видно дат, неясно имя.
Лежат под синевой бездонной,
И облака идут над ними
Интербригадовской колонной.

* * *

Ударило в детстве моем —
Налет и нырок «мессершмитта»:
Рвануло — и вдребезги дом!
Моя голубятня разбита.

И дым разлетелся, чубат!
И перья пошли по спирали —

Метнулись комки голубят
И кровью на землю упали.

И сердце рванулось тогда,
Как стон из гудящей набатни:
— Будь прокляты их города!
Пусть вдребезги — их голубятни!

Как мстительно вырвалось: «Да!» —
Мальчишечье горькое кредо, —
Да здоровствует
Ваша беда!
Да здоровствует наша победа!

О как ликовал я вдали,
Когда, над врагом нависая,
Пошли наши роты, пошли,
Карая, но больше спасая!

Кипели и сталь, и вода,
И свастики в прахе дымили!
Но сердце светлело, когда
Солдаты детишек кормили.

Гордилось — сквозь гром батарей, —
Что наши, под выплески стали,
Не то что детишек —
Зверей —
Невинных и добрых —
Спасали.

О сколько уплывшей воды!
А боль все глядится сквозь воду.
Живу, не желаю беды
Нигде, никакому народу.

Не хочется горя и смут,
Которые мир оплетают!

Пусть дети повсюду растут!
Пусть голуби наши летают!-

Пусть мирная музыка крыш,
Вальсируя, правит над вами —
И Рим, и Нью-Йорк, и Париж,
И Лондон, и Бремен, и Дамме.

Пусть светятся радость и лад,
Который, как солнце, понятен —
Пусть добрые птицы летят
Из всех на земле голубятен,

Поют на любом рубеже
Весной, и в предзимье, и в осень —
А наши осколки в душе
Мы как-нибудь сами доносим.

* * *

Праведней карантина,
Чистая, будто свет,
В душу вошла картина
Давних военных лет:

В самом начале тыла —
Банька, а у окна
Сало менял на мыло
Раненый старшина.

Помню, тряпицу вынул,
Помню, ножом отсек,
В крепкой руке прикинул
И покачал кусок...

Помню два встречных взгляда,
Перехвативших пай:

«Что ты, браток, не надо!
Слышишь, не отдавай!» —

Кто-то в пыли походной,
Крохотнее ерша,
Маленький и голодный,
Съеженная душа...

Видно, хлебнул немало,
Видимо, через край...
— Это же сало, сало!
Братец, не отдавай!

Но над братвой походной
Четко стоял старшой,
Высохший и голодный,
Праведный и большой.

Выточен, как кресало,
Встал поперек войны:
— Люди —
 плевать на сало! —
Чистыми быть должны!

Что с ним за далью стало,
Четким, седым, в летах,
Шедшим по центру шквала
В гибельный гуд атак?

Но укрепилось семя,
Принятое душой:
Вот он стоит — сквозь время —
Праведный и большой.

Не забираясь в судьи,
С четкостью старшины,

Он повторяет: «Люди
Чистыми быть должны!»

Я повидал немало,
Понял взаимосвязь,
Как нарастает сало,
Как прикипает грязь...

Рад, что судьба спасала,
Вера не подвела:
Не воевал за сало,
А чистота — была.

* * *

От первой бомбежки сгорела луна,
Метнулась шально, уходя от расстрела, —
Я с детства запомнил: воронье черна,
Она по горящему небу летела!

Летит сквозь огонь, обжигая бока,
Как будто бы пишет — и некогда править! —
Как будто спешит на века, на века
Хоть строчку о том, что случилось, оставить!

О сколько имен захлестнула война —
Сгорели, слетели, не слышат, не дышат...
Я помню поныне, как горько луна
По черному мрамору золотом пишет!

Полжизни читал я ее письма
На прахе дорог и в мерцании палуб,
И столько порой говорила она,
Что вникнуть в раздумья ее не мешало б.

Вот-вот доживем до второй ссдины.
Ракетное небо! Взбешенные фары!
А время куском обгорелой луны
Все пишет и пишет свои мемуары.

* * *

Ты помнишь танк над краем рва
И ту медальку, на которой
Осталось только «За отва...»,
А дальше сгусток темнокорый.

Как мы, юнцы, стоим в кругу,
А ветер над сгоревшей пущей
Трубит «гу-гу, гу-гу, гу-гу!»,
Диктуя слог недостающий.

Трубит, как будто бы в долгу
Пред теми, что назад — ни шагу! —
Чтоб знали — до последних «гу» —
Что «За отвагу», «За отвагу»!

Он сам ломился сквозь обстрел,
Он сам сползал в огне по траку,
Он сам кричал и сам горел!
Он помнит смертную атаку!

Я столько вётров научил
Дружить в пути с бедой земною,
Я столько ветров приручил
Бродить по палубам за мною,

Что, может, после всех дорог,
Перед каким ни есть итогом
Какой-нибудь из них бы мог
И мне помочь последним слогом.

Но тот! — Как надо жарко жить,
Каких же стоит кругосветок
Его братанье заслужить,
Его дыханье напоследок.

Чтобы, обстрелян, обожжен
И закален единоборством,
И нам бы вслед однажды он
Мог повторять с таким упорством, —

Как там, над рвом, где мы, юнцы,
В сердца отвагу собирали —
В краю, где падали отцы
И танки братьев догорали.

* * *

Под гул бомбежек навесных,
В годину грозного взросленья
Мы тоже были в запасных
У фронтового поколения.

Мальцы, юнцы! Но кто из нас
Не рвался в битву всей судьбою,
Ловя оттуда, как приказ,
Всеобжигающее: «К бою!»

И это нам — ракета ввысь,
И нам клокочущее знамя!
(О эта ярость: «Становись!»
О этот клич: «Москва за нами!»)

Ах как нам крепко повезло,
Мальцам войны, питомцам тыла,
Что общей страстью вознесло,
Волной победной подхватило.

Но нас — как пуля у виска —
Жгли у любого обелиска
И жажда личного броска,
И поиск собственного риска.

Шли мы, судьбой обожжены,
За все, что в мире справедливо. —
Мы, запасные той волны,
Неукрощенного порыва.

Пусть нам даны другие дни:
Враги отбиты и разбиты —
Иные светятся огни,
Иные бездны и орбиты.

Нам ветер свой наискосок,
Свои ревущие цунами,
Но личный риск и свой бросок,
Они во всем, — еще за нами.

* * *

И от радости встало село:
Из-за леса, со всех-то сторон-то! —
Вольным ветром десант занесло
Прямо с неба, сквозь линию фронта.

И пока колыхались шелка,
Опуская подмогу живую,
На земле половина полка
Прямо с неба пошла в штыковую.

Немца выбили, в горьком строю
Салютнули погibшим в бою,
Парашюты — селу разрешили,
Чтоб детишкам рубахи пошили.

И ушли.
Но над небом села
Всё плывут после каждого схода
Купола, купола, купола
И свобода! Свобода! Свобода!
А в глазах у притихших ребят
Под старушечьи охи да ахи
Прямо с вольного неба летят
Парашютного шелка рубахи...

КАРТА

Была отбита у врага сожженная квартира —
Остались стены, да рубцы, да эхо дальних рот.
И стол. Сказали: «Здесь лежала карта командира».
И посреди была стрела, зовущая вперед!

О как взволнованно зажглась моя мальчишья лира!
Как «в битву ринулись полки», как «в бой пошел
народ»!

И сердце вскинулось: туда, за картой командира!
Где в бой бойцов вела стрела, зовущая: «Вперед!»

Ах как победная весна всю землю молодила.
И юность броско позвала распахнутым: иди!
И жизнь лежала впереди, как карта командира,
И вся дорога, как стрела, звенела впереди.

И зазвучало надо мной, покачиваясь: «Вира!»,
И волны круто понесли и брали в оборот,
А океан — он волновал, как карта командира,
И ветер мчался, как стрела, зовущая вперед!

Уже полжизни за спиной, и мир, и больше мира,
Потерты ветрами края и складки — вдоль широт,
А все покоя не дает мне карта командира,
Все светит алая стрела, зовущая вперед.

СТЕНА

Не знаю, что после они сочинили,
Дошли или нет до победного года,
Но помню: сложили, но помню — чинили
Нам стену бойцы музыкантского взвода.
Один — Шостакович, гвардейский очкарик, —
Нахмуренный лоб над простором ладоней,
А в нем — то мотивчик про светлый фонарик,
То грозные громы военных симфоний.
А рядом — улыбка, веселая скрипка
(Мечты о Россини, беседы о Глюке!).
Я помню все в глине, холодной и липкой,
Солдатские их музыкантские руки.
Кирпич, обожженный атаками, клали,
Как клавиши в стену — привычное дело!
Сложили, махнули — и вдаль пошагали.
Они пошагали,
А стенка
Запела.
Запела!
Бывало, нахмурится вечер,
Присядешь с тетрадью к коптилке дремавшей
И слышишь: за стенкой воинственный ветер
Слагать начинает военные марши.
И вдруг загудит, загрохочет органом,
Вещает расплату, несет искупленье,
И, ширясь, летит по далеким курганам,
И с армией нашей идет в наступленье.
Какие просторы стена открывала! —
Вдруг видишь: снега, и «ур-ра!», и пехота!
(И горькая нота ворвется, бывало,
И вздрогнет на стенке любимое фото...)
Нет, звуков она не таила в копилке,
А все поднимала по властному знаку:
И буквы в тетради, и пламя коптилки,
И сердце, и сердце — в атаку, в атаку!

Но вот дошагали бои до финала,
Война отстреляла, война откипела.
А стенка трубила и все вспоминала,
А стенка всё песни военные пела.
Мне, видно, кирпичик достался оттуда:
Порой в океане взгудит непогода,
И вдруг запою и припомню как чудо:
Стена и бойцы музыкантского взвода...
Дошли ли они до победного года?
Симфонии пишат теперь
Не они ли —
Ребята, бойцы музыкантского взвода?
Но если же стену всего сочинили —
Хорошую стену! — так разве же мало?!
Поющую стену, поправшую беды!
Она воспевала, она поднимала
Бессмертье, и свет, и победу, победу!

* * *

Под конец пошла война —
Вермахт дал течь!
Перед боем старшина
Говорил речь.

Говорил, бедой крещен
Сверх любых мер:
— Мы научим их еще
Говорить «р»!

Мы поможем — не из книг,
Тех, что «к но-ге!»,
Из истории у них
Поймать «Г»!

Завтра выйду: «Руки — вверх!»
Рейх пошел вспять!
Гитлер, Геринг, Розенберг! —
Я скажу, —
Встать!

Я скажу: фашизму — гроб!
Хряпнул ваш меч!
Геббельс, Гиммлер, Риббентроп! —
Я скажу, —
Лечь!

Потому СССР
Вашу масть бьет.
Вспоминайте нынче, герр,
Как растить «брот»...

Старики еще поймут,
И поймет шкет,
Что такое в жизни — гут,
Что еще — шлехт!

Я недаром брал рейхстаг,
Я из рек пил —
Чтобы каждый «гутен таг»
Добрый днем был!

Чтоб навек — долой война
И шинель — с плеч! —
Вот какую старшина
Выдавал речь.

Он второго был убит,
В мае, днем, в час.
Синеву над ним рябит
Пожилой вяз.

И, читая бронзу строк
У седых плит,
Чуть картавит ветерок:
Человек — спит...

* * *

Все измаялись: пора!
И почти из бреда
Наконец-то в три утра
Грянуло: «Победа!»

Помню, как от всех щедрот
В радости исторгло
Всё, что есть, — ликуй народ! —
Сердце Военторга!

Помню пир среди двора:
Тост подняв вначале,
Фронтovichку под «ура!»
Женщины качали. —

Гимнастерка на ремне,
Знак гвардейский справа,
А на левой стороне
Вспыхивала Слава.

И кричала мятежу
Бывшая связная:
— Тихо, бабоньки, рожу —
Да кого — не знаю!

— Все одно! — веселый гам: —
Будем на крестины!
— Надо сына! Мужикам
Обещала сына!

И один — из знатоков —
Усмехнулся с тыла:
— А и много ль мужиков
У тебя-то было?

Открывайся, не таи! —
Отрубила, злея:
— Всех любила! Все мои!
Все лежат на Шпрее!

Махом выпила одним
И, махнувши браво,
Зарыдала: «Слава им!
Бабы, честь и слава!..»

И вздохнули, закусив,
Не ломая лада:
— Ну и ладно! Будет — сын!
Всем твоя награда.

Будет, девонька, не плачь! —
Но и сами в хмеле
Пили брагу и первач,
Плакали и пели.

А за шелестом осин
У военкомата
Кто-то в праздничную синь
Бил из автомата...

ШИНЕЛЬ

Дядька поздно вернулся в тыл,
Снял шинель фронтовым аникой:
«На!» — и сразу меня укрыл
Всей Отечественной Великой.

От суконных ее краев
И от жеста: «Носи! Наследуй!» —
Пахло порохом всех боев,
Наступлением и Победой.

Горсть пробоин была в сукне —
Он портного с утра сосватал,
Подогнал по размеру мне,
Все подпалины вглубь запрятал.

И она, изнутри щедра
На волнения и печали,
Окрыляла меня с утра,
Не давала уснуть ночами.

Чуть накроешься с головой —
Весь в пробоинах брезжит воздух,
Будто небо передовой
Над тобой разметнулось в звездах.

И в каком-то бессонном снѣ
Вся — окопы, холмы, овраги —
Открывалась Европа мне
От Саратова и до Праги...

* * *

Сколько было добрых вин,
Сколько счастья, разговора:
— Вот как вышло! Вышел сын!
То-то матери опора!

Сколько дружеских крестин!
Сколько пето, сколько пито!
И опять шумели:

— Сын!
То-то Родине защита!

Облаков бегущий дым,
Ал гранит — крутая глыба.
Шепчет Родина над ним:
— Защитил, сынок, спасибо...

МАТЬ

Вот участь! — Вымолить, родить,
Взлелеять, выкормить собою —
И этим сыном оградить
Страну родную от разбоя.

Да! И родить, и оградить,
И встать к победному застолью!
И целый век потом ходить
С одной невыплаканной болью...

• • •

Но если твердь на pedestal
Не точка в их судьбе жингой,
Но если наши братья стали
Цветеньем, деревом, травой
И если молодую тягой
К бессмертью, к подвигу, к уму
Мир оживает — с их отвагой,
Тогда понятно, почему
Вдруг степь под осень — жестче скитки,
И почему осенний клен
На месте рукопашной схватки
Так огненно окровавлён,
И почему — с огнем трибуна! —

Как будто в вечность говорит,
Так бескорыстно, чисто, юно
Звезда над Родиной горит.

* * *

Южный поезд. Вздохи, ахи.
Ветер, пахнувший травой...
— Вы бывали в Волновахе?
— А случилось в Лозовой?

...В черном жженом едком прахе
Сорок первый грозовой.
Эшелон от Волновахи
Распластался к Лозовой.

Сквозь волну йодоформа
В лоб, по «мессеру» — вналет
Брызжет искрами с платформы
Счетверенный пулемет...

Волноваха-Волноваха!
Вся в крови горит рубаха,
И трассирующий след
Через столько долгих лет!

Этот бьющий след трассинок,
Окровавленную прядь
Ни в одной из мирных стирок
Никому не отстирать.

Мчит состав навстречу безднам,
Мчит и стонет — что ни год...

— В Волновахе? Так, проездом.
Лозовую — напролёт.

Вскрикнула птаха на клене.
Чуть задымился рассвет.
Скрипнул костыль на балконе —
Вышел и курит сосед.

Кто-то прошлепал — напугал
Сдвинул в окошке горелку
Что ж ему тоже не спится
В эту дремотную пору

Вышла соседка
Скорбно глядя
22-е июня
Утро. Часы

Да, да, да
Грозно
Но моему
Не позабыть

Этот удар в полнолуние,
Алые горсти росы —
Утро в далеком июне,
Ранние эти часы.

Вот и стоят втихомолке,
Давнюю боль стерегут —
Словно бы с солнышком челки
Вновь сыновьям состригут,

Рань сапогами пропадут,
Выйдут в лавине полка —
И запдюют, и помашут —
И на века, на века.

Вот какие, брат, дела! —
Гильзочка патронная...
Через сорок лет пришла
К Марье похоронная...

Там, где рота полегла, —
Под песчаной горкою,
Гильза честно сберегла
Ей записку горькую.

Что пропавший до сих пор
В злую непогодину,
Не пропал ее Егор,
А погиб за Родину,

Что и там, горяч в любви,
Он не ведал среднего —
Гильзы в спекшейся крови —
Бился до последнего.

Сколько ж ты летела, сталь, —
Словно сердце вынула!
Марья, Марья, перестань! —
Сорок лет как минуло...

Марья, Марьюшка — года!
Дело наше правое!
Вот — вернулся навсегда,
Мертвый да со славою.

Пусть теперь слеза твоя
Светом приоденется:
Поседели сыновья,
Вот и внуки женятся.

Новой жизни — новый счет.
Что же давним маяться?
А слеза течет, течет
И не забывается...

* * *

Какое утро, день какой ---
Куда ни выйду, ни поеду,
Народ рекой, рекой, рекой
В волнение, в молодость, и Победу

И в горечь первую берет,
И в эти встречи у фонтанов
И доведут меня до слез
Седые слезы ветеранов.

Где те, что живы, — к другу друг
И те, и те, что не дожили,
Вдруг обнимаются вокруг,
Как будто отпуск заслужили.

И я бог весть в каком году
То в глубине, то где-то с краю
По вечной памяти иду
И всех своих перебираю...

И в каждом время говорит,
И горечь, и любовь, и смута,
И в сердце горестно горит
Слезинка гордая салюта...

* * *

Старики под вечерней звездой,
Майский вечер победного схода...

И звенит молодой-молодой
Дух весны сорок пятого года!

Свет и всплески победной брони! —
Но по чарочке — память согреют,
Сорок первый припомнят они —
И стареют, стареют, стареют...

И молчат над суровой бедой.
Но салют полыхнет с небосвода,
И горит молодой-молодой
Вечный свет сорок пятого года.

* * *

С сигареткой чуть примятою,
Молодецки, грудь вперед —
В День Победы, на 9-е,
По селу пастух идет.

Весь, как фото — в полном фокусе,
После стольких важных дел:
С председателем — почокался,
На торжественном — сидел.

Всё ладом — как разлиновано,
Все по чести, на местах!
Только сердце разволновано:
Всё-то так, да вот — не так!

Мир и лад — чего б горюниться,
И зовет любой сосед.
Только нет друзей из юности,
Нет дружков, которых нет!

Он припомнит холмик с каскою
И увидит неспроста

Закарпатские, баварские
И австрийские места.

Поведет плечом из старости,
Ухмыльнется лихо он,
Вспомнит Вену, вспомнит Штрауси,
Фронтной аккордеон.

И пойдет с каким-то вызовом
То ли видел на вску! -
Всем антеннам-телевизорам
К фронтовому огоньку.

Выпил? В меру, не особенно!
Магазин закрыл завмаг.
А качнулся — так колдобины
Попадают впотьмах.

Кто-то молодо вальсирует,
Кто-то чокается — май!
Ну а он идет, форсирует
Вислу, Одер и Дунай,

Города берет без выстрела
И, кивнув промеж атак,
Вдруг показывает Гитлеру
В душу самую кулак.

Над заборами, над лавками
Ходит месяц налегке.
Стадо спит. Собаки гавкают.
Рыба вскинулась в реке.

Он покурит над потерями.
И задремлет под стожком.
Спит и дышит в звездном тереме
Лесом, далью, молоком,

Всем, к чему душа привязана, —
Без речей, без слов с хмелька:
Все, что нужно, было сказано.
В сорок пятом. На века.

* * *

Я это помню с давних дней:
Не очень бойкого десятка,
За город юности моей
Спокойно цокала лошадка.

Седой возница всласть дымил
На гильзах бронзовых и медных:
Везла лошадка гору мин,
Уже раскушенных, безвредных.

Тепло и вечность май дарил,
Синела даль, весна синела.
А он, солдат, легко курил
И делал праведное дело...

С каким бы видом этот дед
Сейчас бы от внучат беспечных
Увез бы скопище ракет
Глобальных, античеловечных!

* * *

Давно не стало старика,
Уже в века ушла Победа.
Осталась внуку лишь рука
Одна, протезная, от деда.

Дивится внук, про все забыл
Над этим деревом протезным:

— Дед деревянным, что ли, был?
И слышит:
— Дед? Он был — железным.

* * *

В музее священной войны,
Где пламя — любая страничка,
Среди фронтовой тишины
Я слышу, идет перекличка.

— Я молот таранных атак,
И грохот, и грозная кара,
Я сталь, я громада.
Я — танк.
Я главная сила удара!

— Я к ближнему бою привык,
И смерть повидал на живую.
Я — лезвие боя, я — штык.
Я честно ходил,
В штык

И тихо
Под гро
Спокойн
— Я — игла
Я вышла
Знамя Победы!

* * *

Кончак говорил
Перекатному полю:
— Себя пережить
Никому не позволю!

Хвалился Мамай:
— Полземли онемееет,
Меня пережить
Ни душа не посмеет!

Курган-старожил
Да тропинка прямая...
Ковыль пережил
Кончака и Мамая.

* * *

Там море туманилось в каждом окне,
Там солнце всплывало под каждой кормою —
А жили мы с братом в степной стороне,
Где с Черным сходилась Азовское море.

Полынные дали владели душой,
Там волны, бывало, рванутся вприпрыжку
И Черное море — братишка старшой, —
Потянет Азовское, словно братишку.

И мы загорались от синих погонь —
Синел горизонт при любом разговоре,
И сами мы были — в ладони ладонь —
Азовское море и Черное море.

Бычками и камбалой дышит лиман,
А в мыслях Гвианы, Гаваны, лианы —
И старшее море летит в океан,
И младшее следом спешит к океану!

Какие надежды, какие дела,
Какие просторы нам детство дарило!

Но плаванья наши судьба развела,
А наши ладони война разделила.

И долгие годы с бедой не в ладу
По старому полю, по старому сиду,
Я к доброму морю с дороги приду,
У самого моря на камень присяду.

Я плыл в океанах, где прагматизм мира,
Я видел, как бездна вулканы рождает
А брат мой остался лежать у Днепра
И в Черное море навеки впадает.

Впадает — и Черное море живет,
И чьи-то надежды качает и простит,
И к старшему младшее в гости идет,
Седое и горькое тихое море...

ПОБЕРЕЖЬЕ

На берегу смолят баркас,
Мальцы с причала ловят рыбу...
Который год, в который раз
Я здесь подумаю: спасибо!

Степной полыньей дышит юг,
Дымок за линией прибоя,
И вдруг — окоп! И гильзы вдруг
Обозначают место боя.

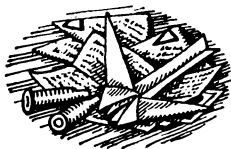
Из отдыхающей земли
Еще кричащие обломки!
Так этот берег берегли —
До крохи. До кровавой кромки.

Края атак! Горит восход,
Дымок над бухтой заалевшей...

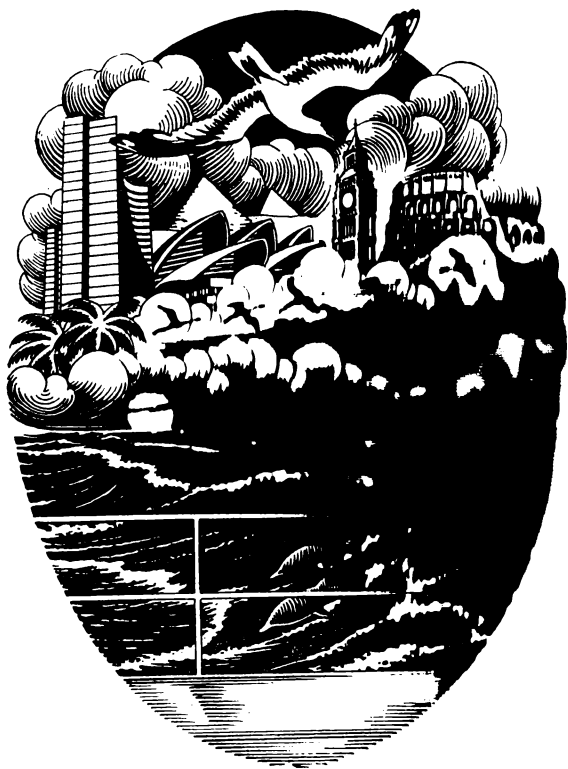
Спасибо, павший самолет.
Тебе спасибо, танк сгоревший.

Тебе, горевший катерок —
За выси, за поля, за реки!

И за пылающий урок,
За ваш пылающий урок,
Не угасающий вовеки...



Палуба



* * *

Сперва — тонуть, сперва — спасать
В арктическом ледовом сале,
А после (может) написать,
Как погибали и спасали.

Потом опробовать слова —
Крутое, зыбкое, тугое,
Но прежде с моря острова
Нащупать твердою ногою!

Потом, быть может, завести
Себе тетрадь и подвиг славить,
Но прежде — прыгнуть, груз внести,
Разжечь костер и дом поставить.

И пусть тогда твоя строка
С волнением землепроходца
Счастливо в край материка,
Как шлюпка верная, упрется.

И будет сладостной пора
Рожденья слов, созданья звука,
Как тихий огонек костра,
Который грел когда-то руку...

* * *

О как прекрасен лесовоз —
Весь в пене, гнущийся от веса,

Когда ты сам на нем пронес
И гул тайги, и запах леса!

И как прекрасен рудовоз,
Когда ты сам, в поту на славу,
Руду грузил, руду провез
И ощутил всю твердость сплава!

И как прекрасен ледокол
С его морозным гулким громом,
Где ты форштемнем лед колол
И помогал веселым ломом!

Прекрасны трудные дела —
От поля до правдивой книжки,
Прекрасна жизнь, когда была
На деле, а не понаслышке.

АРКТИКА

Конец работам. Ветер стих,
И, окрыляя расстоянья,
Над палубой, как вольный стих,
Парит полярное сиянье.

Стихи пронизывают мглу,
Стихи над палубой роятся —
Вот роба сброшена в углу,
И от нее стихи струятся.

И руки, свисшие с колен,
Тяжелой рифмой колобродят.
Они полны бурлящих вен,
Гудят — от них стихи исходят!

От молодого звона льдин —
Исходят ритмы, звуки, ноты,

От рыжих чаек, от седин,
От вечных запахов работы.

От тьмы ночной исходит свет
И мачты гуд созвучен лире —
Стихи, стихи! А прозы — нет,
Не слышно прозы в этом мире...

* * *

Предчувствуя бурю,
И молнии в хлещущем мраке,
И дребезг по шкуре —
Кораблик готовится к драке.

В гудящем безлюдье,
Где ветер, как режущий вертел,
Он вскинутой грудью
Бросается первым на ветер.

Вернется как чудо,
С веселой походкой задиры,
И спросят: — Откуда
Такие хорошие дыры?

Иные с остуды,
Иные с опаски сутулы,
Вдруг спросят: — Откуда
Такие помятые скулы?

А он окунется,
Страхнет подналипшие беды,
А он усмехнется:
— Откуда ж они?! Из победы!

— Как ты только это смог? —
Зной на сотни миль!
Да тебя от самых ног
Прожигала пыль!

Жуть, какие там края
И какая быль!

— Быль моя и пыль моя,
Золотая пыль!

— Ты, однако, поугас,
Побелела смоль.
Да тебя до самых глаз
Изъязвила соль!

— Но какие
 там
 края!
Палубы, Бристоль!
Даль моя и соль моя —
Ах какая соль!

— Говорят, лишь случай спас,
Вышибало твердь.
Говорят, тебя не раз
Навещала смерть...

— Так, однако, вот он я.
А сбивало с ног —
Жизнь — моя и смерть — моя.
Не горюй, сынок!

КАЛИФОРНИЙСКИЙ РАССВЕТ

И дали и глуби зарей охватило,
На палубе — ветер и запах секвой,
И всходит светило, какое светило! —
Какой-то пожар над моей головой!

Как будто бы шлюзы лавина открывала
И хлещет из домны огонь ветровой —
Какое ярило, какое ярило,
Какой светопад над моей головой!

И вдруг нарастающе, вынырнув с тыла,
Пройдет, усмехаясь, военный конвой:
А сколько тротила, а сколько тротила
Над этой над самой твоей головой?!

Но чем бы нас время потом ни крестило —
Пока у штурвала, покуда живой —
Какое светило, какое светило,
Как птицы поют над моей головой!

ФЛАМИНГО

Над побережьем
у Сан-Доминго
Летят фламинго, летят фламинго.

Они пылают над вольным людом,
Над океанским веселым гудом.

Они влетают в зарю едино
От мест Неруды до мест Сандино!

У них с рожденья одна присяга —
У них с рожденья два красных флага.

И краснокрыло — как вся эпоха —
Весь мир накрыла Бандьерра роха!

Как браконьеры из темной эры,
Рты раскрывают
карабинеры.

Их подгоняют: «За карабины!»
Они вгоняют в стволы дробины. —

Но не уходит никто спастись!
В такую б стаю крылом вписаться!

В такое небо, в такую стаю,
Крылом свободным простор листая!

Погода зреет, погода злеет —
Все побережье уже алеет.

И в алом небе сквозь Сан-Доминго
Летят фламинго, летят фламинго!

ДОЛГИЙ РЕИС

Зной катился вдоль кают,
Жег машину. Путал графики.
Оседлав кто бак, кто ют,
Кочевали мимо Африки.

Звезды зрели возле нас,
И Луна под окоlesiцу
Нам рожала в месяц раз
По молоденькому месяцу.

Капитан
Вздыхал про план —

Как бы выполнить заранее —
И Индийский океан
Был как юнга на собрании.

Боцман сплевывал в волну,
И, уже измучен драмами,
Штурман юную жену
Засыпал радиограммами.

А жара плыла, плыла,
Наплывала из-за Йемена,
И Луна опять была
Новым месяцем беременна.

И в густой горячей тьме
Снова звезды колобродили,
И рождалась на корме
Чья-то песенка о Родине.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Предвидя берег-бережок,
Среди воркующего гула
Лежит на трюме мой дружок,
Раскинув руки, как Вакула.

Под ним волна кипит внизу,
И глубь ночная в звездах бредит.
А он, как будто на возу,
К себе домой по морю едет.

Перо залетное грызет,
И, балагурия по привычке,
Подружке ветреной везет
Из Сингапура черевички.

И обсуждает по пути
Среди просоленного быта
Загадки Млечного Пути
И наши ближние орбиты.

И то, как дома погостит,
И как она — пускай рассудит! —
Ему случайности простит,
Свои случайности забудет.

А звездопад искрит, пылит,
Шипучим светом из потемок —
Как будто звездами шалит
На полумесяце чертенок.

И штурман, хмурый от беды,
Берет уроки балагура:
— Ну что ж, ну ладно, ну лады,
И я возьму
Из Сингапура...

ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА»

За неведомые страны,
за моря-материки
Плыли вдаль по океану
молодые моряки.

Плоть холстины студит спины,
плещет по небу «Андрей» —
Гулок говор парусины,
солон запах якорей!

Ах как путь далек и знатен,
глубь — дорога, звезды — кров.

Рядом с ними сам Путятин,
с ними рядом Гончаров!

Над немислимою глудью —
гулких шкотов перебор.
Молодое честолудье!
Сердцем впитанный простор!

Что им знаки, чинодралы,
вздохи барственных перин?! —
С моря выйдет в адмиралы
молодой гардемарин!

Острова бегут навстречу:
называй, ищи, глздей! —
Юность! Страсть увековечить
волю, родину, друзей!

Им не надо большей славы —
высь небес да птичий хор.
Честь державы, свет державы —
вот он, истинный простор!

Честной молодости мили
сердцем пройдены сполна.
Да, прошли, ушли, уплыли,
Но остались имена!

Но досталось солкой браги
всем, в ком молодость жива,
Но в одном архипелаге
дружат с морем острова.

И не раз еще заставят — спорить,
биться о напасть:
В чем же нам дано оставить
нашу юность, нашу страсть?

ВАНЯ

Ночная вахта кофе варит,
Плывет в тропический контраст.
То вдруг фантастикой одарит,
То в качку голодом обдаст.

Сойдешь на камбуз — там Ванюша,
Наш добрый кок — колпак на уши —
Шуршит жаровенкой: шу-шу!
— Не спишь?
— Сухарики сушу!

Попросишь Ваню: «Дай сухарик!»
Вдруг расплывается очкарик
— Да что мне, жалко, корешок?
Держи! —
И выставит мешок!

— Ванюш, куда такая залежь?
Ты ж просто палубу завалишь
С таким старательным трудом!
— А ты забыл, куда идем?

И вдруг мигнет очкарик Ваня,
Припомнит что-то в океане —
И сам ты вдруг припомнишь даль
И это горестное: «Дай!»

Мы с ним прошли на трудном свете
Среди потерь, среди смертей. —
Нет ничего страшней, чем эти,
Голодные зрачки детей!

Зрачки кричат с земли и неба,
Зрачки, страдая, молят: «Хлеба!»

И Ваня наш: «Держи, малыш!»
И ты его благословишь.

Стоишь на вахте в этой рани,
Хрустит сухарик в океане.
Уже недолго до зари,
А Ваня сушит сухари.

Через рассвет перелетая,
Летучих рыб сверкает стая,
И держит солнышко внутри,
А Ваня сушит сухари.

Дельфины выгнулись, орава!
Фонтан кита по борту справа,
И боцман стонет: «Ты смотри!»
А Ваня сушит сухари.

Плывешь, а сбоку рядом — гонка:
Летит деляга по Гонконгу
Сквозь горькие глаза детей
И не сбавляет скоростей.

А вон, в топазах голубея,
Полураджа среди Бомбея,
Непробиваем, словно дот,
Через лежащего
Идет!

Несутся «боинги» навстречу,
Грозя, сметая и увеча,
Авианосец-истукан
Вот-вот раздавит океан!

Что им земной какой-то шарик?
Не разглядеть им в их зрачки

Того, что видит наш очкарик
Сквозь запотелые очки.

А над безумным этим пиром
Плывет дымок с утра над миром,
И добрый запах у зари:
Ванюша
 сушит
 сухари.

* * *

Обзор с токийской телевышки
Вас убедит: земля поката.
Поля, кварталы, городишки
За горизонт бегут куда-то.

От Фудзиямы, как по стрелке,
Бредут кораблики пунктиром...
Ты — как в летающей тарелке,
Паришь над Токио, над миром.

Так вот, из башни — из дворца ли,
Из той тарелки — или блюда —
Мы всей командой созерцали,
Как облака о башню трутся,

Как ливни, город полосуюя,
То здесь, то там спешат пролиться
И вся — в зонтах и вся — в косую! —
Летит японская столица.

И тут же, местного значенья
Паноптикум, для развлечения
Всех, кто почесывал в затылке,
Мерлин Монро томил в бутылке.

Какой-то гангстер, отскандалив,
В крови заканчивал карьеру,
И, восковые, восседали
Поэты, трагики, премьеры.

Один смотрел с улыбкой бога,
Другой курил самодовольно...
А против них, земно и строго,
Светился в ложе лик Линкольна:

Глаза — как вечные скрижали,
Для истин вылеплены губы,
И на коленях возлежали —
Как правда — руки лесоруба.

Его надежда окрыляла!

Но тут отодвигалась штора,
И — в сотый раз! — в него стреляла
Рука продажного актера.

Раз в пять минут — в неблагодарность,
За гонорар и званый ужин
Стреляла в гения бездарность —
На эту роль талант не нужен!

И вдруг — неслыханное дело
(Как это фирма допустила!),
Но электронику

заело,
Рука наемника
застыла!

Как будто вздрогнув от укора,
Перехватила наши чувства
И удержалась от повтора
Неукротимого кощунства...

Но тут, бывавшие в обстрелах,
Явились вдруг в солдатском глянце
Три крепких, юных, загорелых
Тропических американца —
Из тех, что по свету гуляют,
Они из джунглей прикатили!

Они сказали: «Не стреляет?! —
Пускай стреляет — мы платили!»

И повторили в том же стиле:
«Чего он глупости валяет?
Пусть не валяет. Мы платили.
Ей-ей, платили! Пусть стреляет!»

Один пристукнул, как бывало,
Другой сказал: «Вот это — дело!»

И голова опять упала,
А горькая душа взлетела.

Сквозь стекла вырвалась, умчалась,
Не подлежавшая оплатам,
И поплыла и закачалась
На гневном облаке крылатом.

Уже дугой большого круга
Мы шли в тропическое лето,
Уже клубило небо юга
Свои горячие сюжеты,

Но чем бы нас ни обдавало,
Какой игрой — при полном штиле
Нам все покоя не давало:
«Пускай стреляет — мы платили!»

Какие б ни были Гавайи,
Что б пальмы там ни напевали,

Но рядом жили — убивая,
Но за подачку — убивали!

От взрывов вздрагивали Анды,
Детей расстреливали в Чили,
Мир будоражили команды,
Напоминая: «Мы — платили!»

Стреляли в Чаде и Вьетнаме,
Горел Восток — Востоку больно!

И разрасталась рядом с нами
Разгневанная боль Линкольна!

В минуты грозного накала
Над миром, стонами объатым,
Она летуче возникала
На гневном облаке крылатом.

Она, познавшая страданья
(Ведь с каждым выстрелом страдала!),
Жила в извечном ожиданье
Непоправимого удара,

Как судия, смотрела грозно
И словно по шальному звуку —
Спешила вдаль, пока не поздно —
Схватить продавшуюся руку...

* * *

Пока антенну на ходу
Шатает по углам,
Пока в радиорубке жду

Твоих радиogramм,
Пока морзянки у бортов
Трассируют, парят
И звуку каждому готов
Лететь наперехват,

Тогда в тропической жаре
Под вспышки сигарет
Из быстрых точек и тире
Слагается портрет.

Такой, что жалко шевельнуть
Ресницами. Такой —
Губами хочется прильнуть,
К щеке припасть щекой,

Что кажется — сквозь гуд и свист
Появишься вот-вот...

Но вдруг поднимется радист,
Руками разведет. —

И вдруг поймешь: ни губ, ни слов
Не выдал этот трал.
Что это ты чужой улов
По букве обирал,

Что ты по звуку обрывал
Чужие голоса,
Что на чужие пировал
Все эти два часа!

И наступает ночь. — К концу,
К утру седеет прядь,
И снова слезы по лицу
Ладонью растирать.

Тогда рванутся из глубин,
Пробив спокойный пласт,

Слова, которых ни один
Радист не передаст!

5

Но если вдруг сквозь стук ключа
Ты станешь говорить,
Мне все слова — с ключа, с плеча
Не жалко раздарить.

По букве! — Жалуй, выручай
Всех, кто их ждет средь тьмы,
И у кого я невзначай
По букве брал взаймы.



Зной



Кончено, кончено, кончено, кончено! —
Ни полюбить, ни простить, ни дружить...
Так у разбитого вдребезги гонщика:
Некому верить и незачем жить.

Прежняя палуба зыбко колышется,
Все, что ни вспомни, — проигранный бой.
И пустота! Но откуда-то слышится:
«Не унывай! Я осталась с тобой».

И оглядишься, готовый отчаяться:
Кто ты? Откуда? Себя назови!
И улыбнется, и вдруг закачается
Тихая-тихая капля любви.

Ах как откликнешься болью незрячею
И припадешь: «Выручай, obnovи!
Только была бы ты самой горячею,
Эта последняя капля любви!»

Как воспарит она, к счастью готовая,
И запоем, и рванется с высот —
И обернется речушкой бедовою,
И закачает, и вдруг понесет.

Перемахнет через горькие старицы,
И удивишься, как света полна,
И разливается, и разрастается,
И обнимает всю землю она.

И не заметишь, как снова захочется
И горизонту, и вслед кораблю,
Тихой травинке и крохотной рошице
Вдруг распахнуться и крикнуть: «Люблю!»

Ветер гудит, и дорога качается,
Солнечный мир призывает: «Живи!»
Вот и живу я, пока не кончается
Добрая-добрая капля любви.

* * *

Это — в сути бытия,
В вечности самой —
Вдруг открыть: «Моя! Моя!»
И услышать: «Мой!»
Отворить в себе глагол,
Полный давних сил:
— Это я тебя нашел,
Это я открыл!

Взял тебя на век земной.
В долгие года,
Как берут — любой ценой! —
С бою города!

Через дальние края,
Летом и зимой
На века — моя, моя!
— И навеки — мой!

Это я волной, строкой
В сердце затекла,

Обняла рекой-рукой,
Все заволокла!

- И пока живая я...
- И пока живой...
- На века — твоя, твоя!
- И навеки — твой!

* * *

Раннее солнце пылает в бору,
Ранние птицы звенят — впропалую!
Женскую голову в руки беру,
Милую женщину в губы целую.

Милым глазам открываю зарю,
Волосы эти смелей водопада!
«Что же тебе, — сам себе говорю, —
Что еще надо, ну что еще надо?»

Если ты ей до отчаянья люб,
Если сияют, тебя оплетая,
Волосы эти и губы — у губ,
Если в руках голова золотая?

Если на солнечном этом ветру,
Все забывая, и сам впропалую
Милую голову в руки беру,
Милую женщину в губы целую?!»

«А ничего! — отвечаю себе, —
Только простора, и звезд, и рассвета,
Только бы счастья в бегущей судьбе —
Чтобы не выпустить голову эту!»

Измена женщины — не в счет,
Измена друга — не причина,
А душу вдруг пересечет
Такая горькая морщина...

Еще над радостной строкой,
В несчастье горькое не веря,
Махнешь с ухмылкой рукой:
Да ну, подумаешь, потеря!

Но в одиночестве ночей
За каплей капля, зол и тяжек,
Сочась, болезненный ручей
Опасный вымоет овражек.

И, опускаясь по ручью,
С еще неуловимой целью,
Однажды вздрогнешь на краю
Неизлечимого ущелья,

Увидишь, как несет по дну
Все лучшее, что смыто с круга, —
И вспомнишь женщину одну,
Всего одну измену друга.

СКАЗКА

Разошлись, сказали: «Не было!
День да ночь — и все дела!»
А от солнышка, от неба ли
Дочку — небыль родила.
Родила, когда не ведали,
Назвала — как было — Небылью.

Речка ноженьки омыла ей,
Греет белый бережок...
— Ты откуда, Небыль, милая?
— А из небыли, дружок...

* * *

— Ну и девка! Сорного сорней!
Да чего с ней только не творили. —
Что мне только мутного о ней
Ранние дружки не говорили.

Да и я, страдая, понимал,
Не приемля щедрой их науки:
Ничего я от нее не знал,
Кроме сладких снов и горькой муки.

Но над искушенностью земной,
Словно после черного обвала
Все равно, лучась, передо мной
Светлое лицо ее всплывало.

И чистейшим облачком плыла
Через все укоры мирозданья
Женщина, которая была
Мне минутой сладкого страданья.

* * *

Все забыто о том апреле,
Том, где были облучены.
Только помню: в глазах горели
Звезды первой величины!

Все забыто! Но помню, помню
Запрокинутые черты.
Только в сердце — удары молний:
Неужели забыла ты?

В том апреле, в таком апреле!
Как мы были облучены!

— Помню, помню! В глазах горели
Звезды первой величины!

* * *

Это как невероятный зной,
Накативший с памятью о лете:
Снятся губы женщины одной,
Той, которой нет давно на свете.

Нет — но очи жаркие поют,
Но из дальних лет испепеляют.
И горят, и жаром обдают,
Губы приоткрытые пылают!

И в неумирающем огне
Эти переполненные страстью
Руки проливаются ко мне —
Жилки набухают на запястье!

И зовут, и дразнят, и поют —
И одолевают, и желают —
Все горят и жаром обдают,
Губы приоткрытые пылают.

О как записано в судьбе:
Увидеть раз в житейской прозе
Пушинку на ее губе,
Ее румянец на морозе.

Среди морозных легких нот,
Под скрипы раннего морозца,
Услышать, как она вздохнет,
Запомнить, как она смеется.

И вспоминать в крутой судьбе
В пути, в быту, в нелегкой прозе
Пушинку эту на губе
И тот румянец на морозе...

ИДИЛЛИЯ

Он шел, задумавшись, в рассвет,
С собою все согласней,
Что ничего на свете нет,
Чем женщина, прекрасней.

Она ему сияла вслед,
Повинна и невинна:
Ведь ничего прекрасней нет
На свете, чем мужчина.

И много неразлучных лет
Решали на рассвете,
Что ничего на свете нет
Прекраснее, чем дети.

* * *

Казалось сердцу, что оно скала,
Зачем же в нем
Гудят
Колокола?
И отчего — на тысячи сторон
Так праздничен и горек
Этот звон?

Казалось сердцу —
Твердь, причал, земля!
Так что же в нем —
Волнение корабля?
И ветер, и хмельная даль пути,
И это обновленное «Лети!»?
И что — запрет? И вновь — извечный спор?
Ответа — нет, а есть один простор!

ПАЛУБА

Поэма

Изведав все морские дали,
Не вспомнить, на каком витке,
Его я встретил на причале
В калифорнийском городке.
Уже под якорную лапу
Стекало солнце на покой,
Когда он вдруг возник у трапа
И по лицу провел рукой.
И потянуло от причала
В мое матросское окно
Такой тоской!
Но для начала
Хотя бы маленькое «но».

Нас десять суток — без привала —
Тяжелым штормом обдавало,
И встречу встававшая заря
Плескала кровью в якоря.
Работал лот, гудел локатор,
И капитан — крутой оратор —
Вдруг вдохновенье обретал
И Маяковского читал!
И теплоход — сажень косая,
Над океаном нависая,
Сам резал волны под углом,
Как Маяковский — напролом!

Нам ветром робы холодило,
В нас маяковское входило —
И горизонт, и высь, и даль,

И под ногой — родная сталь,
Мы дружно ухали над нею —
Чем больше драишь, тем прочнее
И дух, и совесть, и престиж,
И полноправнее стоишь.
И широка душа простора,
Когда такая есть опора:
Штурвал — в ладонях, ноги врозь —
А ну-ка, палуба, подбрось!

Так десять дней — авралы, шутки,
А на двенадцатые сутки
Над цепью гор — под встречный гуд —
Вдруг забелело:

«ГОЛЛИВУД».

И, чуть не задевая клотик,
Пошел рекламный самолетик
Чертить над нами вензеля.
Американская земля!
Пошли, взвиваясь из асфальта,
Мосты крутить стальное сальто,
Заполыхала, далека,
Автомобильная река.
И к каучуковым причалам
Мы подвалили — «самым малым!»
И якорь крякнул тяжело —
И покатило! И пошло!
Индеец, и мулат, и прочий
Взбегал по трапам люд рабочий,
На трапах — музыкальный стук,
Дымки сигар, пожатыя рук.
Звучнее всякого клавира!
Пылали каски! —
«Майна!», «Вира!»
Лебедчик правил как жокей:
— Давай — давай!
— О'кэй — о'кэй!

И я веселою походкой
Сновал вовсю — туда, сюда! —
О сладость быть звучащей ноткой
В счастливой музыке труда!
Шел, а душа уже витала
Вдаль, от квартала до квартала,
Повыше кранов и стропил —
Я, брат, в Америку приплыл!
И капитан, в пейзаж вникая,
Кивнул на берег:
— Красота!
Голубизна, смотри, какая —
Ну, прямо райские врата!
И улыбнулся несолидно:
— И рай, и райские врата,
А вот апостолов не видно. —
Ни одного тебе Петра!
Но поспешил.
Я руки вытер,
Как вдруг в каюту, деловит,
Явился некто:
— Мистер Питер.
Но тут же сократился:
— Пит!

Чуть-чуть повыше недомерка,
Одет в сплошной нейлонный сверк,
Он обнажил манеры клерка,
И я решил: — портовый клерк.
Конечно, клерк! Насчет разгрузки!
Я стал подыскивать слова,
Но он спросил почти по-русски:
— Ну что Россия? Как Москва?
Я усмехнулся, честь — по чести,
Кивнув на кресло, чтоб присел:
— Да дома все. Москва на месте
И Русь у нас, в СССР!

Он сжался в ком, вздохнул со свистом,
Но как бы вновь себя извлек
И с осторожным любопытством
Обнюхал каждый уголок,
Отер платком лицо от пота,
И я спросил его тогда:
— Вы опасаетесь чего-то?
И он почти что вскрикнул:
— Да!
Но я не ждал подобной прыти.
Я удивился: в чем же суть?
— Мы вас боимся!
Вы хотите
Весь шар земной
Перевернуть!
И, доведя себя до жути,
Вновь огляделся бедный птах:
А не хранится ли в каюте
Для дела этого
Рычаг?
Я усмехнулся: «Ну, политик!»
Но тут, как бы теряя вес,
Он тихо соскользнул и вытек —
И растворился и исчез.

И капитан — спеша с разгрузкой —
К нам заглянув — никто не спит? —
Спросил:
— Ну, как вам этот русский?
— Который этот?
— Мистер Пит!

Я откровенно удивился,
Я засмеялся:
— Ну и Русь!
Он выразить себя явился
Одним-единственным «боюсь!».

А океан пылал зеркально
Под золотистым ветерком,
И вдалеке качало пальму
Над изумрудным островком.
Мираж играл, и птицы пели,
И кто-то парус торопил...
Ах бог ты мой, да неужели
Я вдруг в Америку приплыл?!
И я вдохнул и этот ветер,
Весь мир!
Как вдруг передо мной
Вновь прозвучало:
— Мистер Петер. —
И сбоку
С кукольной женой
Плечист, речист, американист,
Предстал, сияя, в цвете лет,
На месте порываясь в танец,
В ковбойских усиках атлет.
Он изогнулся в брючках узких,
Успев улыбкой посветить,
И предъявился:
— Мы из русских!
Мы вас желаем
Посетить.
Он сделал шаг — учтивость, сила!
Удачлив, смел, неуязвим!
И чопорно просеменила
Жена корабликом за ним.
И вдоль стены, привычной к гулу
Машин, пропитанных парком,
По коридору потянуло
Душистым женским ветерком
И кто-то вмиг прикинул ладом:
— Вот это да! Ложусь на борт!
И тут же выстроился рядом
Плечистый пламенный эскорт.

И лишь одна — прохладной сталью,
Как смерч, наткнувшийся на бриз,
Прошлась дневальная Наталья
Критичным взглядом —
Сверху вниз.

А я обрадовался встрече.
Я ждал, при разности систем;
Их молодой, горячей речи:
Их «Почему? Куда? Зачем?».
Ведь мы не просто кипы груза —
Мешки, контейнеры, кули...
Мы — из Советского Союза,
Мы океан пересекли!
Но в чванном полуобороте
Едва вошел, едва присел,
Он спросил:
— Ну как живете?
И мы сказали:
— Вери велл!

И все. И с этим трафаретом
Казалось, напрочно исчез,
Иссяк как будто бы на этом
Его к России интерес.

И повернулись, как по склянке,
Четыре русских головы
К американской россиянке:
— А Вы? Как здесь живете Вы?
Она ответила, прямая,
Лишь тихим жестом робких плеч...
А он сказал:
— Не понимает.
Она забыла вашу речь.
И вздох, и горькая минута:
Ведь не пустяк и не пятак...

И разом охнула каюта:
— Родную речь? Да как же так?!
И так сочувственно, как к брату,
Ну земляку — с одной земли! —
Все повернулись:
— Эх, ребята,
Куда ж вас предки увезли?!
И вдруг — придумаешь едва ли —
Он выпренье откинул прядь:
— Там шла война. Вы убивали.
Отцы не стали убивать.

Я, посмотрев ребятам в лица,
Полюбопытствовал в ответ:
— Мы что ж, по-вашему,
Убийцы?
Он возразил ладонью:
— Нет.
Но, продолжая в том же стиле
И перст воздев, как некий вий,
Изрек:
— Вы заповедь забыли!
— Да ну! Какую?!
— Не убий!

И, исчерпав всю эту сводку,
Он торжествующе притих
И оглянулся на молодку:
Ну что, каков? Ну как я их?
Усы — навзлет, рука на торсе!
И я сказал ему:
— Ну-ну.
А если б к вам
Убийца-вторгся
И стал
насиловать
жену?

Он побелел, как под зарядом.
Она внезапно поняла
И вся — вперед! — и быстрым взглядом
По всей каюте повела.
Исчезли вдруг морские дали,
Рабочий крик, портовый звон.
Она ждала, и все мы ждали,
Что он теперь,
Что скажет
Он.

И он взглянул на наши лица,
Воздел глаза, качнул спиной:
— Я за сестру бы стал молиться!
Да-да! — вскричал. — Клянусь женой!

Мы содрогнулись: вот защита!
О наши сестры на костре!
Но я сказал ему открыто:
— Я говорю не о сестре!

Он вдруг поджал в усмешке губы:
— Я защитил бы. Ничего!
Я был десантником. Над Кубой...
И кто-то выдохнул:
— Ого!
И, уходя от разговора,
Он встал:
— Мы кончили дела.
И вслед за ним по коридору
Она медушкой поплыла.
По трапу, сходнями, к причалу,
Чета четой, каркас в каркас —
Как будто это их качало
Двенадцать суток, а не нас.

А день уже стекал помалу
За горизонт, на край зари,

И палуба приподнимала,
Как будто пела: «Посмотри!»
Кончай мудрить над аксиомой!
Взгляни за палубу, старик,
Перед тобою незнакомый
Неугомонный материк!
Ты хоть пойми, куда причалил,
Куда приплыл в наш мудрый век!
Здесь улыбнулся миру Чаплин,
Здесь обнимал подружку Джек
Лондон! Что тут о потерях...
И друг сказал:
— Какого пса!
Где капитан? Пошли на берег!
Отличный бар — «Два колеса»!
— Пошли! — И я ударил о стол, —
Берем, Америка, барьер!

И вдруг.
Возник еще апостол
И протянул мне руку:
— Пьер.

Кэп рассмеялся:
— Тоже птица!
А боцман хлопнул в рукавицы:
— Ну налетели! Целый слет!
Вот на апостолов везет!
И этот Пьер — не слаще редьки.
Что Пит, что Петер — к одному.
Жаль, нет чапаевского Петьки —
Он им бы выдал, что к чему!

Пьер весь сиял смышленной хваткой,
Любезен — как на рождество.
Блестел посадочной площадкой
Мужицкий крепкий лоб его.

В глазах, на донышке, сиропчик
И шильце в них — не криминал,
И детски реденький укропчик
Макушку чуть обременял.
Ну что ж, смахнули две нагрузки —
Переживем еще одну!

И Пьер запел:
— Я русский! Русский!
С улыбкой я сказал:
— Да ну?
И при усиленных повторях
Чуть придержал его разбег:
— И вы из русских? Из которых?
— Нет-нет, — он крикнул, — не из тех!
Он — чист! И вовсе не в обиде —
И расстелился мягче льна:
— Как вам Америка?
— Увидим.
— О! Превосходная страна!
И стал накрапывать помалу,
Что, мол, Америка — да-да! —
На свете стольким помогала
(«А вот Россия — никогда!»),
Америку, как бога, ждали,
Молились на нее вдали.
(«А вы — и сами голодали...
Ну что вы, бедные, могли!»)
Она и немца одолела —
Такой ценой, таких кровей!
Она в войну не пожалела
Для мира стольких сыновей!

И правды ради, боли ради
Мы уточнили без прикрас,
Что больше — только в Ленинграде
На Пискаревке спит сейчас.

— Не может быть! — Он встал в запале.
— Не может быть! — Он сел опять. —
У нас об этом не писали!
Как это можно
Доказать?!
И, в стол уткнув тяжелый палец,
Он выдал едкие тона:
— Вы все равно не рассчитались
Еще с Америкой сполна!

Ах ты язви! Неужто взыщет?!
Я приподнялся: ну и пес! —
Вдруг хлопыстнуло — так хлобыщет,
Когда матроса рубит трос!
И с осторожностью на спуске
И так с обидой — в чем вина? —
Гость уточнил:
— Я русский, русский!
Но точность в счете
Быть должна!
И осенило: вот он, кто ты,
Один из блудных сыновей!
Да бог ты мой, он сводит счета
Со старой матерью своей!

Ну что ж, бывало! Ну, случилось —
И путь непрост, и спор тяжел —
Стряслось, судьба погорячилась, —
И хлопнул дверью, и ушел!
Уйдет, пройдет, урок получит,
И на чужбине день и ночь
Слеза болит и сердце мучит:
Ну чем бы матери помочь?
Я видел одного. Когда-то,
Срываясь в злобе с якорей,
На берегу, чтоб бросить в брата,
Он выбрал камень поострей.

В отместку! В ненависть! В отплату!
Но лишь гудок задребезжал —
Хотел в лицо он бросить брату,
И вдруг, опомнившись, прижал.
Зажал, заплакал, плыл морями,
Смотрел в закат — огонь, огонь!
И камень острыми краями
До крови врезался в ладонь.
Куда бежит и что ломает,
Зачем — не помнил ничего —
Казалось, сердце он сжимает
И кровь сочится из него.
И годы долгие забылись
Среди чужбинного бытья,
И обкатались, затупились
Когда-то страшные края.
И столько лет не забывает
Ту бурю, горестный рывок,
И все слезами оmyвает
Родной последний островок.
И совесть просит покаянья
И все выпрашивает путь,
Как через эти расстоянья
Его на родину вернуть.
Идет он к морю, бродит ó край
Чужой постылой бирюзы,
Сжав островок в ладони, мокрый
От человеческой слезы.

А этот хмырь — торчком укропчик —
Весь недоверье и скандал,
Сидит, пыхтит и давит кобчик:
«Да что? Неужто прогадал?»
И так медово и опасно
Он почесал свое лысье:
— И что же, все у вас прекрасно?
И я ему ответил:

— Все!

И все! Ну кто еще прикатит?
Помилуй бог! Умерь свой пыл!
Мне на сегодня вот как хватит!
Я все ж в Америку приплыл...

День мерк. Под якорную лапу
Стекало солнце на покой,
Тут новый гость возник у трапа
И по лицу провел рукой.
И я подумал: что он ходит?
Его, как видно, хуже гланд
Хронически уже изводит
Лихое слово «эмигрант».
Озяб в стране-американке,
Весь измочаленный тоской,
И для Америки — не янки,
И прежней Родине — не свой.
Стоит, с седеющим укропцем,
Скребутся в палубу глаза...

Но он сказал печально:

— Хлопцы!

Всего лишь «хлопцы» он сказал,
И, как от нежного потопа,
По сердцу, сладости полна,
От Запорожья к Перекопу
Пошла пшеничная волна,
И на знакомой с детства воле
В своей серебряной пыли
Вдруг небо тронули тополи
И заиграли ковыли...

— Ну что? —

И старый осторожно,
Боясь вниманье пригасить,
Спросил:

— А мне, ребятки, можно

Вас завтра в гости пригласить?
И мы сказали:
— Можно! Завтра!
Сегодня — только на покой!
И он, счастливый, взял со старта —
Воспрял, кивнул, махнул рукой —
Так, что забыл оставить имя!
Мы рассмеялись вчетвером:
— Ну имя! Общее с другими!
Зовут, конечно же, Петром!
А на корму луна садилась,
Сверкала, весело желта,
И ночь Америки рядилась
Во все рекламные цвета.
И с далью праздничной в контрасте,
Кивая коку-рыбаку,
Ходил вблизи блюстителъ власти
С предметом власти на боку.

В иллюминаторе устало
Звезда мерцала. Я прилег.
Но не уснул: вода плескала —
Полночный тихий монолог.
Я думал: «Ну и мешанина!
Ну Пьеры! Дикий хоровод!
Что только делает чужбина,
Когда она в душе живет!»
А тьма усмешкой отзывалась,
Цедила ядовитый мед:
— Тебе небось не доставалось?
— Да нет! Совсем наоборот.
И боль была, и скорбь, и слава —
Их никому не одолеть.
У старых ран не только право,
Но и обязанность болеть...
И смертью меченный в атаках,
Ломавший врангелевский тыл,

Отец — бог весть в каких бараках —
Судьбу крутую разделил.
Но как бы трудно ни версталась
Судьба в отдельные года,
В нас время Родины осталось
Отцовски алым навсегда.
Оно осталось честной былью,
Нам так светили из него
И Днепр, и чкаловские крылья,
И звонкость имени Серго.
Несло, звало светло и юно!
И вел я свой с бедою спор,
Как паровозик, что в коммуну
Спешил ветрам наперекор.
В наш трудный век, в наш век матерый
Учило яростно: смотри,
Плыви, чтоб палуба — опорой!
Живи, чтоб Родина — внутри!
Драй и тяни с такой нагрузкой
Свои тоннаж и такелаж,
Чтоб, если крикнут: «Спутник! Русский!» —
Ты б мог сказать: «Глядите, наш!»
Что в нем живет твое горенье
И ты встречаешь торжество
Не созерцателем творенья,
А созидателем его.

Открыл глаза — лучи играли,
Пускались зайчики в канкан.
Гремела ведрами Наталья,
Будила Тихий океан.
И ветерок бодрил Наташку,
Чуток подергивал тельняшку
И теребил за поясок:
Оставь, Наталья, адресок!
Артельный нес бачок с селедкой,
Очкарик-кок орал: «Сюда!»

О сладость быть звучащей ноткой
В веселой музыке труда!
Я вымыл палубу — до блеска.
Прошел на ют — качнуло резко,
И камбуз с легким ветерком
Дохнул картофельным парком.
Родным, таким — что дрожь по коже!
Вдруг обдает такой волной —
Что ты в Америке, и все же
Своей землей, своей страной!
И вдруг пробудится минута —
Такая выпрениная тишь —
Стоишь на палубе, как будто
На Красной площади стоишь.
И не страшна любая полночь —
А ну, волна, встречай, ударь!

Тут появился Комсомолыч —
Наш штурманенок — секретарь.
Сверкнул хохлацкими очами,
Тряхнул кудрей:
— Ну что, пора?
— Куда?
— Так сами ж обещали!
Ну в гости к этому... Вчера!
Стоит у трапа. Не приметил?

Там золотился, как Клондайк,
Вчерашний гость. Я вспомнил:
— «Петер!»
С улыбкой он поправил:
— Майк!
Он был в «тойоте», при штурвале.
Сияли брови — колоски,
Благополучьем отливали
Седые плотные виски.
И выразительно — напротив

Седым сухариком — она.
Майк объяснил:
— Моя Дорóтти.
Она отметила:
— Жена!
И подтолкнула дверцу ножкой,
И повелительно ладошкой
Вдруг покрутила:
— Мы вас ждем!
И мы ответили:
— Идем!

И трех плечистых Маяковских,
Владивостокских и московских,
Толкнула палуба: «Вперед!
И шире плечи! Вы — народ!»
Мы были у автомобиля,
Когда: «Подарок не забыли?» —
Нам капитан наш крикнул вслед,
И экипаж ответил: «Нет!»
Пыхнул, дохнул Бензин Бензиныч,
Нас подхватил Автогорыныч,
На миг открыл, на мост взорлив,
Под солнцем вспыхнувший залив.
Но развернулся у стоянки,
Шеренгой пальмы-негритянки
Воздели ввысь десятки шей,
И полетело! О фривэй!
В своей железной автокоже
Летели «ройсы»:
— Я — дороже!
— А я — густых автокровей!
И все сияло: о фривэй!
Все мчались в скорости излиться:
В одном — горланила певица,
В другом, от зноя восплав,
Почти что голая девица

Всем ручкой делала: «Ай лав!»
И в черном льющемся «линкольне»
За тощим негром-колокольней
Смеялся, весел и кудлат,
Букет в десяток негритят.

И Майк немного виновато
Вдруг посмотрел:
— Ну, как, ребята?
Мы оценили:
— Звон гитар!
Отличный бег! Прекрасный «кар»!
И Вашингтоном на банкноте,
Мол, ничего идут дела?! —
Победно Дóроти — Дорóтти
На мужа глазом повела.
Даря счастливые созвучья,
Вперед, куда-то в облака,
Неслась река благополучья,
Автомобильная река!
Наш друг, стармех, кремень-мужчина,
Искавший вечно: в чем причина?
На все ответчик и знаток,
Вдруг показал:
— А вон исток!
Казалось, реку, что нас мчала,
Вплетая в бег за прядью прядь,
Из нефтяных глубин качала
Автоматическая рать.
И друг, что все-то замечает,
— А Майк не здесь доход качает? —
Вдруг бормотнул себе под нос.
Но все затмил другой вопрос.

Там, впереди, на тротуаре,
В ушке сверкая огоньком,
Шла негритянка в стройной паре

Под руку с русым пареньком.
Плыла, как звук виолончели
И как Венера Боттичелли,
В зеркальных вскинутых очках
На современных каблучках.

Мы так и вздрогнули в полете!
— Хо-хо! — воскликнула Доротти. —
И как вам спутница его?
Мы хором спели:
— Ни-че-го!
— Как?! — оглянулась, — в самом деле?
И вы такую бы хотели?
И навсегда? На много лет?
— А почему б, — сказали, — нет!

Доротти, острая, как свайка,
Под бок легко кольнула Майка:
— Ты слышал, что они хотят?
— ?
— Хотят тринадцать негрят!
Мы рассмеялись не без вздоха:
— Тринадцать много — но неплохо!
И тем под легкий лет колес
Закрыли расовый вопрос.
А я припомнил вечер пряный
И шорох моря за Гаваной,
Где друг Франциско, тих и мал,
Меня ручонкой обнимал...

Вновь зной затлел голубовато,
Майк вновь спросил:
— Ну как, ребята? —
Смущенье пряча меж бровей.
И мы ответили:
— О'кэй!
В нем все же брезжила сытость

Смущенность, если не забитость. —
Как будто в этих скоростях
Не мы, а он у нас в гостях.
Родная речь обременяла —
Она порой напоминала
Лесок — лесные островки,
Где жить пытаются пеньки.
И он смущался, и терялся,
И рисовать рукой старался
Свои Клондайк и Потомак
И робко спрашивал:
— Ну как?
А что? «Тойота» — королева!
И океан пылает слева.
А справа — пальмы и холмы,
А посередине мчимся мы!
И мы сказали:
— Что ж, живете!
— О'кэй! — воскликнула Доротти.
И так, как будто бы опять,
Стараясь что-то доказать.
Но вдруг заметив: обставляют!
Ну спины так и выстилают! —
Опять толкнула мужа: «Майк,
Не отставай-ка, нажимай-к!»

Дружок заметил:
— Ну Доротти!
Такой бы боцманом на флоте!
Доротти тут же — не в долгу:
— О'кэй! — ответила, — могу!
Ее веселые «о'кэйи»
Менялись словно счет в хоккее
И в то же время — между строк —
Звучали Майку как урок.
И, наблюдая за Доротти,
Я за стеклом, наискосок,

Увидел. бьется на капоте
Живой пушистый волосок.
Ну одуванец! Ну аника!
Я показал дружку: гляди-ка!
Трубит себе во весь опор
Семи смертям наперекор!

Летела в пальмах автострада,
Пылало жаром автостадо
Машин — «фольксвагенов», «тойот» —
Ну кто кого перепоеет.
А он себе, гляди на милость,
Флажком упругим трепетал.
Куда ж ты, семечко, прибились?
Как уцепилось за металл?
Что, ни в кювете, ни в пустыне —
Ни сохраниться, ни родить,
Так ты решило
На машине
В двадцатом веке победить?
Где человек расставил сети
На все живое — кто кого —
Прорваться сквозь тысячелетья
На хитрой выдумке его?

Друг опустил стекло: а ну-ка,
Наперекор каким ветрам?
Доротти глянула на руку
И ужаснулась:
— Вот так шрам!
Вы воевали? Вам же мало...
Но друг кивнул:
— Война достала.

И вывод был как крупный иск —
(Все — Майку) —
— Жить в России — риск!

— Что ж, — я сказал, — сказать о риске,
В нас, верно, в каждом
Обелиски —
В нас в каждом
Плачет обелиск.
Но жить на свете — тоже риск.
Рожая сына, мать рискует:
Вдруг лихолетье, — вдруг — война,
И одиноко затоскует
По сыну горькая она.
Рожая дочку, мать рискует,
Такие в мире времена:
А вдруг и дочка закукует
Печальной вдовушкой одна.
Риск и в дороге, и в квартире —
Такие, видно, времена.
Но кто без риска в этом мире
И жил и сеял семена?
И боль и раны ходят близко,
Все так, всего не перебрать —
И все же нет страшнее риска
Родную землю
Потерять...
Майк покосился на Доротти,
Она примолкла — в переплете,
Но тут же выдохнула:
— Ну,
Что ж вы готовите
Войну?
И тут наш младший, Комсомолыч,
Махнул рукой:
— Ну что за сволочь
Им все вбивает? Вот мура!
— По телевизору! Вчера!
И, не вступая в состязанье
А так, от точности ума,
Стармех прибег к иносказанью:

— Лежит в степи
Кусок дерьма.
Стоит погода — просто чудо,
Играют пчелки возле сот.
И лишь дерьмо вопит:
«Откуда
На целый свет дерьмом несет?»

Пушинка взмыла на капоте!
— Хо-хо! — воскликнула Доротти,
Засеребрилась от седин
И закричала:
— О:1!
И оценила:
— Ну и хватка!
Но в смехе вспыхнула разрядка,
И Майк с баранки руку снял
И вдруг, махнув, захохотал.
Он понял вдруг: не гость, не зритель,
И не хозяин, не водитель —
А просто свой, матросский, наш,
По-свойски принят в экипаж.
Как будто в нем очнулось это:
Как славно быть в семье одной,
Как это здорово
По свету
Катиться палубой родной!
Э, нет, недаром так согласно
Сходились лучшие умы:
Как все-таки оно прекрасно,
Коммунистическое
Мы!
Как в нем добро растет и зреет
Сквозь все изъяны бытия,
Как в нем светлеет и добреет
Вдруг
Человеческое «я».

Майк все хотел отдать:
— Ребята!
Он все просторы отдавал,
И сам знакомое когда-то
Вдруг общим сердцем открывал.
Смеялся, радости не пряча,
Звенела тихо «Куккарача»
И золотой голубиной
По пальмам тек прекрасный зной.
Ах человек! Чего ж ты хочешь,
Когда такой у неба цвет!
Зачем же ты себе пророчишь
Глухую полночь от ракет?
Здесь даже четкая Доротти —
Ну и пружинка в этой тете! —
Вдруг стала подлинным вождем:
— Мы ждем! Мы едем! Мы идем!
Куда неслись, куда мы мчались?
Однако мчались, не печалась,
Единой палубой. Но тут
Сверкнула надпись:
«ГОЛЛИВУД».

И Комсомолыч — он шустрее —
Запел:
«Я усики не брею»,
Изображая, как вот-вот
Сам Чаплин выйдет из ворот.
Но из ворот
На наши средства
Нам улыбнулось наше детство
Улыбкой давних кинолент...
И вдруг приказ:
— Один момент!

В тени, у мраморной площадки,
Зияли в плитах отпечатки

Стоп и ладошек кинозвезд,
Как бы сливаясь в звездный мост.
Туристы Азии, Европы
По ним сверяли гороскопы,
Как будто бы в следы Христа
Чуть не печатая уста.
Доротти — нет; не приложила —
Но Майку (слова не скажи!) —
Движеньем четким предложила,
Верней, велела:
— Приложи!
— Вот, — объяснил нам взмах перчатки, —
Как надо ставить отпечатки!
А он — я видела сама —
Их крепко ставит на дома!

В ее глазах забрезжил берег,
Сверкнули золото и соль:
— Он строил сам
Бэнк оф Америк! —
О, это было 10:0!
И, подгоняемая ражем,
Она кивнула: «Майкл, покажем?»
И нам навстречу поплыла,
Как айсберг, черная скала!
А Майкл лишь взглядом удостоил
Всю эту спесь — и сжался весь.
И стало ясно: он построил,
Но вклад его лежит не здесь.
Доротти исправляла лично
Смущенье мужа своего.
И всюду пела фанатично:
— Его! Его! Его! Его!
И уязвленный, как потешкой,
Майкл, про себя про самого,
Сказал с болезненной усмешкой:
— Его, его, его, его!

И, распрямляя — как от боли —
Ладони тяжкое литье,
Он взвесил в воздухе мозоли:
«Вот это золото — мое!»
И золотые в самом деле
(Какая проба для кого!)
Так иронично посмотрели
Его мозоли на него!
И он махнул, как о потерях —
Мол, растеряешь — не простишь! —
Так что Доротти с «оф Америк»,
Казалось, крикнут: «Майк, престиж!»

И мы бы здесь не возражали:
Все было точно в этот раз.
Мы дружно Майка поддержали:
— Ведь строил ты, рабочий класс!
Твое — и точка. Все в порядке!
И мы с работою в родстве:
Ведь есть и наши отпечатки
На Украине и в Москве!

В нем как-то все переменялось:
— Вы — Украина? Вы — Москва?
Он вскрикнул так, что задымились,
Казалось, в воздухе слова.
Вот так и рушатся лавины!
Майк все вставал:
— Неужто вы
И в самом деле с Украины?
Ах, хлопцы-хлопцы, из Москвы?!
И вдруг, заметив бар напротив,
Кивнул:
— Зайдем на час-другой?
Но начеку была Доротти
С короткой фразой:
— Майк, домой!

И скоро, тихий, будто гномик,
В местечке — бог его каком! —
Возник в лучах негромкий домик
Под одиноким топольком.
Желтела стриженная травка,
Вьюнок тянулся к небесам,
И вновь дала Доротти справку:
— Все это Майк. Все сам. Он сам!
И он,

сошедши в лоно быта,
С такой невиданной тоской
«Все сам и сам... — сказал убито
И по лицу провел рукой. —
Сам

бросил дом в лихие годы,
Чужих людей послушал сам,
Сам переплыл в чужие воды
И плачу сам по волосам.
Сам клал годами серый камень,
Сам думал: что ж ты натворил?
И только с этими руками
Сам по-родному говорил». —
И, что-то вспомнив при моменте —
Хоть не просили: «Предъяви!»,
Он вдруг сказал:
«Они в цементе!
В цементе, хлопцы, не в крови!»

И тихо принял эту драму
Наш маяковский экипаж.
Нес телевизор под рекламу
Свою предвыборную блажь.
И Майк вздохнул:
— Эх, спеть бы, что ли...
Давно не пел — робил, горбил...
— Что? «Роспрягайте, хлопцы, коней»?
— Хо-хо... Да я слова забыл...

Он встал, достал четверку чарок,
А друг толкнул меня:
— Давай?
— А что?
— Да как же что? Подарок!
— Какой подарок?
— Каравай!

Ах сколько раз в порту, бывало,
Под наше тихое «бывай!»
Гость уходил домой с причала,
Прижав заветный каравай.
Прижмет к душе — себе укором,
Несет не хлебный бугорок,
А тот бугорчик, на котором
Стоял родимый хуторок.
Возьмет дрожащими руками,
Услышав русское «держи!».
И поплывут перед глазами
С дымком родные миражи.
И соловей всплакнет за гаем
Над хуторком, у тихих вод,
И с краю, из-за каравая
Родное солнце поплывет.
Стоит он, горький, понимает,
В каком заброшенном краю,
И не буханку прижимает,
А гладит
Родину свою,
Что поглядишь в великой жали,
Вздыхнешь: что, не уберегли?
Вы раньше б так ее держали!
Вы раньше б так ее несли!..
А кто-то смотрит, отлученный,
Змеино, из-под чешуи,
И видит в корке запеченной
Деянья страшные свои!

Что ж Майк? Над нашим караваем
Что увидал? Свое село?
И край села? И там, за краем,
Родное солнышко взошло?
И петушок ему с насеста
Запел дружком далеких лет?
И тихо засветилось детство,
Как будто добрый «Диснейленд»?

Он вдруг сказал: «Ох, szkoda, szkoda!»
Одним рывком

открыл комод
И, что-то вынув из комода,
Нам протянул дрожаще: «Вот!»
И что таиться между нами —
Подумал кое-кто из нас,
Ну что же ты, какой ты камень
Когда-то Родине припас?
И крепко стянутый по-русски —
Давным, наверное, давно,
Рванул он край славянской хустки —
И вдруг
Посыпалось
Зерно...
— Вот... от войны подался влево.
Братки ж остались за село.
Искал

покою
для посева —
А до сих пор
Не проросло. —
И, всхлипнув на высокой ноте,
Так сжал в ладонях
каравай,
Что возмущенная Доротти
Из кухни вынырнула:
— Майк!

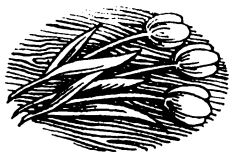
Калифорнийской ночи бездна
Обворожительно смугла.
Но — «вира!» — сказано железно,
И между нами тьма легла.
Гуд бай! Груз принят! И помалу
Мы отходили от причала.

Все в звездах, небо осыпалось
На порт, на волны, на суда.
Уже под килем расступалась
Калифорнийская вода.
И океан — душа прямая —
Всей мощью нежил и ласкал:
Одни суда приподнимая,
Другие мягко опускал.
Наш капитан на вахте снова
Глядел сквозь ночь, как мыс Дежнева.
Мы опирались на фальшборт
И провожали взглядом порт...
И вдруг под песенку о Мэри
Вдаль, где мерцали фонари,
Дружок взглянул, себе не веря,
И подтолкнул меня:
— Смотри!
Там, на бетонной позолоте,
Каким-то сжавшимся клубком
Таилась женщина —
Доротти! —
С белевшим в пальчиках платком.
А дальше,
к краю,

на отшибе,
Как будто впад в безумный штрайк,
В каком-то горестном изгибе
Размахивал руками Майк.
Дрожала палуба в нагрузке,
А Майк тянул, уже далек,

Нам вслед тот самый, старой хустки,
С зерном знакомый узелок.
Вдоль мола волны шли в обгоне,
Недавний кряж зиял черно.
И он стоял в безмолвном стоне
Один
У пирса на ладони,
Как позабытое зерно.

Калифорния — Тихий океан — Москва. 1981



СОДЕРЖАНИЕ

МЫ

«О чем среди болот...»	4
Мы	5
На реке	8
На гулкой палубе земной	10
Портрет	13
Цепь	14
«Какую нам Родину дали...»	16
«Ветер, грохот, колея...»	17
Легенда	18
«Как в некоей Мангазее...»	21
Красный след	22

ОБРАЗНАЯ РЕЧЬ

Детское чтение	26
В семье Ульяновых читают	26
Эзоп	27
Бруно	28
Площадь Джордано	29
Обломов	29
Лермонтов	30
Рывок	30
Глагол	31
Поэт	32
«В дни, когда под космос синий...»	32
«Перебедуй, переживи...»	33
«Шершавые пальцы темней наждака...»	34
Образная речь	34
Ополчение	35

ВОЛНА

«Они мечтали выйти в паре...»	38
«Ударило в детстве моем...»	38
«Праведней карантина...»	40
«От первой бомбежки сгорела луна...»	42
«Ты помнишь, танк над краем рва...»	43
«Под гул бомбежек навесных...»	44
«И от радости встало село...»	45
Карта	46
Стена	47
«Под конец пошла война...»	48
«Все измаялись: порал...»	50
Шинель	51
«Сколько было добрых вин...»	52
Мать	53
«Но если твердь на пьедестале...»	53
«Южный поезд. Вздохи, ахи...»	54
«Вскрикнула птаха на клене...»	55
«Вот какие, брат, дела!...»	56
«Какое утро, день какой...»	57
«Старики под вечерней звездой...»	57
«С сигареткой чуть примятою...»	58
«Я это помню с давних дней...»	60
«Давно не стало старика...»	60
«В музее священной войны...»	61
«Кончак говорил...»	61
«Там море туманилось в каждом окне...»	62
Побережье	63

ПАЛУБА

«Сперва тонуть, сперва спастись...»	66
«О как прекрасен лесовоз...»	66
Арктика	67
«Предчувствуя бурю...»	68
«— Как ты только это смог...»	69

Калифорнийский рассвет	70
Фламинго	70
Долгий рейс	71
Обратный путь	72
Фрегат «Паллада»	73
Ваня	75
«Обзор с токийской телевышки...»	77
«Пока антенну на ходу...»	80

ЗНОИ

«Кончено, кончено, кончено, кончено!...»	84
«Это — в сути бытия...»	85
«Раннее солнце пылает в бору...»	86
«Измена женщины — не в счет...»	87
Сказка	87
«— Ну и девка! Сорного сорней!...»	88
«Все забыто о том апреле...»	88
«Это как невероятный зной...»	89
«О как записано в судьбе...»	90
Идиллия	90
«Казалось сердцу, что оно скала...»	91
 Палуба. Поэма	 92

Коржиков В. Т.

К 66 На гулкой палубе земной: Стихотворения и поэ-
ма. — М.: Мол. гвардия, 1985. 126 с.

50 к. 15 000 экз.

Виталий Коржиков — автор широко известных детских книг «Мореплавание Солнышкина», «Коготь динозавра», «Морской сундучок», многих поэтических сборников.

Новый сборник его стихотворений широк тематически. Рядом с лирическими строками о любви, юности, о дружбе — стихотворения о тех, кто защитил Родину в трудный час. Многие страницы нового сборника посвящены морю и дальним странствиям, без которых автор не представляет Земли и где особенно значимо великое чувство — «Родина». Этому же посвящена и поэма «Палуба».

К 4702010200—222
078(02)—85 212—85

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 4117

Виталий Титович Коржинов

НА ГУЛКОЙ ПАЛУБЕ ЗЕМНОЙ

Редактор Т. Чалова

Рецензент В. Алейников

Художник Н. Кошкин

Художественный редактор В. Воробьев

Технический редактор Н. Баранова

Корректоры И. Тарасова, Т. Крысанова

Сдано в набор 27.02.85. Подписано в печать 05.07.85. А13466.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 5,84. Учетно-изд. л. 5,1. Тираж 15 000 экз. Цена 50 коп. Заказ 176.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушневская, 21.





50 коп.